

ЧЕТЫРЕ КНИГИ ЕВСЕВИЯ ПАМФИЛА, ЕПИСКОПА КЕСАРИИ ПАЛЕСТИНСКОЙ¹ О ЖИЗНИ БЛАЖЕННОГО ВАСИЛЕВСА КОНСТАНТИНА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА 1.

Предисловие о смерти Константина.

Недавно все народы торжественно праздновали второе и третье десятилетие² великого василевса, недавно также, по случаю двадцатилетия, мы величали гимнами³ сего доблестного победителя⁴, окруженного сонмом слуг Божьих⁵, даже сплетали венцы словес встречая его тридцатилетие и уже заранее, в самом дворце украшали ими священную главу его⁶. Но теперь язык костенеет в устах, — теперь, при всем желании произнести нечто обычное, пораженный одним дивом необыкновенного видения, он не знает, к чему обратиться. Куда ни устремится напряженная мысль, на восток или на запад, на всю землю, или на самое небо, — везде видит блаженного василевса неразлучно с его царством. Над землей господствуют его дети⁷, и как некие новые светила все озаряют лучами отчего света. В них живет он своей силой и, умножаясь их преемственностью, управляет целой Ойкуменой лучше прежнего. Приняв еще задолго достоинство кесарей⁸, теперь облечлись они во все величие отца, украсившись знаками его почестей, теперь явились они автократорами⁹, августами¹⁰, кесарями (Καίσαρων), василевсами.

ГЛАВА 2.

Еще предисловие — о царственных сыновьях его.

Сильно поражается ум, видя, что недавно живший в смертном теле, недавно находившийся с нами, и теперь, по окончании жизни, когда природа все излишнее обличает, как чуждое, непостижимо остается в том же царском доме¹¹, с теми же почестями и хвалебными песнями, а между тем, простирая взор к небесному своду, мы представляем, что блаженнейшая душа его, обитает и там с Богом. При мысли, что, сбросив всю эту смертную и земную одежду, она облечлась в блистательную ризу света и живет не как оставленная в течение

долгого времени среди смертных, но как украшенная неувыдаемо цветущим венцом и почтенная бессмертием нескончаемой и блаженной жизни в вечности, при этой мысли ум цепенеет и остается безгласен, не может произнести ни одного слова и сознает свое бессилие; осудив же себя на молчание, он предоставляет лучшему украсить ее достойными похвалами, так как один Бессмертный, одно Слово Божье имеет силу утверждать свои определения.

ГЛАВА 3.

О том, что царей благочестивых Бог удостоивает чести, а тиранов губит.

Предсказав, что Бог вознаграждает дарами прославляющих и чтящих Его, а явивший себя врагами и противниками Ему устроят погибель душам своим (1 Царст. 2, 30), — предсказав это, теперь Он доказал правдивость изреченных им обетований; ибо безбожным и враждебным себе тиранам приготовил бедственную кончину жизни, а слуге своему, кроме жизни, даровал еще завидную и многохвальную смерть, которая достойна нетленных и бессмертных надгробных памятников. Природа смертных, для утешения себя в случаях смертной и преходящей кончины, измыслила увековечивать память предков священными изваяниями их изображений¹², как бы знаками бессмертной почести. Для сей цели одни пользуются <для> живописной отделки краской из растопленного воска¹³, другие, посредством резца, бездушную материю превращают в человеческие подобию, иные на досках и столпах выбивают надписи и через то добродетели почитаемых ими лиц стараются предать вечной памяти потомства¹⁴. Но все это смертно и с течением времени истребляется; потому что все это образы тленные вещей, а не выражения мыслей бессмертной души. Впрочем, подобные памятники, кажется, достаточны для тех, которые не сохранили в себе надежды на другие блага по кончине смертной жизни. Но Бог, Бог — общий всех Спаситель, уготовав у себя любителям благочестия большие и для смертного разума непостижимые блага, позволяет им еще здесь предпочесть залог тамошних воздаяний и перед смертными очами их как бы утверждает бессмертные надежды. Это предсказывают древние, переданные письменами, изречения пророков, об этом свидетельствуют воспоминаемые поздним потомством жизнеописания боголюбивых, в старину прославившихся различными доблестями, мужей¹⁵, истину этого доказало и настоящее

время, в которое Константин¹⁶, один из всех, когда-либо бывших властителей Рима, сделавшись другом Всецаря - Бога, явил людям разительный пример благочестивой жизни.

ГЛАВА 4.

О том, что Константина Бог удостоил чести.

Это, наконец, подтверждено яснейшим определением самого Бога, которого Константин чтит и который в начале, середине и конце его царствования был к нему милостив и смертному роду показал в нем мужа, служащего уроком благочестивого назидания. Его-то, одного из всех, когда-либо доходивших до слуха автократоров, явил он великим светильником¹⁷ и громогласнейшим вестником непогрешительного богопочтения, осыпанным различными дарованными ему благами.

ГЛАВА 5.

О том, что Константин самодержавно царствовал более тридцати лет, а жил более шестидесяти.

Время его царствования Бог почтил тремя полными десятилетиями, даже немного более; а жизнь его как человека, сохранил вдвое долее всей жизни царской. Притом, явив в нем подобие самодержавной своей власти, он даровал ему победу над всем родом тиранов и сделал его истребителем враждующих против него титанов, которые в безумии своей души подняли на Всецаря всех оружие нечестия¹⁸. Эти нечестивцы, если можно сказать, мгновенно явились, мгновенно и исчезли; а слугу своего единый и единственный Бог взял одного и облек его в божественное всеоружие против многих, очистил через него смертный мир от множества безбожников и показал в нем народам учителя благочестия, который громогласно, во всеуслышайёя свидетельствовал, что он знает истинного Бога и отвращается от ложных.

ГЛАВА 6.

О том, что он был слугой Божьим и победителем народов.

Как верный и добрый слуга, Константин что возвещал, то и

делал. Он открыто называл рабом и исповедывал себя слугой Всецаря; за то Бог вскоре воздал ему, поставил его господином, владыкой и победителем, каких между автократорами от века не бывало, победителем, никогда непреоборимым и непобедимым в отношении к победам, сотворил его таким василевсом, о каком никогда прежде и слухом не слыхивали, явил его столь боголюбивым и преблаженным, столь благочестивым и благополучным, что он без всякого труда овладел гораздо большим числом народов, нежели то каким владели прежние государи¹⁹, и безбедно сохранил свою власть до самой кончины.

ГЛАВА 7.

Сравнение его с персидским царем Киром и македонским Александром.

Древняя история, как славнейшего между бывшими когда-либо государями, величает персидского царя Кира²⁰, но если это и справедливо, то окончить свою жизнь надлежало ему не только не благополучно, даже постыдно и низко — надлежало умереть от руки женщины²¹. Сыны эллинов воспевают также Александра Македонского²², победителя бесчисленных племен и народов, но не достигнув еще и мужского возраста²³, он устремился к пирам и пьянству²⁴, а потому нашел раннюю смерть. Вся жизнь его ограничивалась тридцатью двумя годами, из которых только третья часть была временем его царствования²⁵. Притом этот человек, как молния, шел путем крови и беспощадно обращал в рабство все города и народы, без различия возраста, пока еще в цветущих летах, оплакивая потерю друга²⁶, не встретил неотразимой смерти и не исчез бездетным, безродным, бездомным, в чуждой и враждебной земле²⁷, чтобы не губил более человеческого рода. Царство его тотчас же раздробилось, каждый слуга отделял от него и похищал какую-нибудь область²⁸. И несмотря на то, сего государя превозносят похвалами.

ГЛАВА 8.

О том, что он покорил почти всю вселенную.

Напротив, наш василевс только начал управлять в тех летах, в которых Македонский умер, и жил вдвое больше последнего, а период своего царствования протекал в три раза долее него. Укрепив войско

кроткими и мудрыми уставами богопочтения²⁹, он ходил войной на британцев и людей, живущих к западу среди океана³⁰, равно как покорил всю Скифию³¹, лежащую к самому северу и разделенную на множество разных варварских народов, потом распространил свою империю до отдаленнейшего юга, до Блеммии³² и Эфиопии³³ и не чуждым себе приобретением почитал также Восток³⁴. Разливая светлые лучи благочестия до концов всей Ойкумены, до последних пределов Индии³⁵, и кругом на жителей целой земли, он держал под своей властью всех местных правителей, народных вождей и сатрапов³⁶ над варварскими племенами, которые охотно, с любовью и радостью посылали ему свои дары и считали высокой честью пользоваться его знакомством и дружбой, так что для воздания ему почестей выставляли у себя живописные его изображения, воздвигали статуи и Константин знали и провозглашали, как единственного над всеми автократора³⁷. До таких-то пределов царским его словом с совершенной свободой звучало благовестие о чтимом им Боге.

ГЛАВА 9.

О том, что он был сыном благочестивого василевса и оставил власть царственным сыновьям.

Впрочем, совершая это на словах, он не медлил и самыми делами. Преуспевая во всякой добродетели, он изобиловал и плодами благочестия: ближних привязывал к себе великодушно оказанными благодеяниями, других ограждал законами человеколюбия, и свою власть для всех подданных сделал легкой и вожеленной. Наконец, создав три колена потомков, долженствовавших быть преемниками его в царской власти, и видя, что долголетние подвиги на общественном поприще утомили его, Бог, которого он чтил, восхотел даровать ему в награду бессмертие и из царства смертного переселил его в жизнь нескончаемую, уготованную святым душам. Таким образом царский престол, полученный им от отца, по закону природы, перешел к его сыновьям и их детям, и навсегда сделался достоянием наследственным³⁸. Возвеличив блаженнейшего сего государя, еще среди нас, высочайшими почестями и украсив уже при смерти особенными своими дарами, бог сам сделался его биографом, потому что подвиги великих его дел запечатлел на скрижалях небесных.

ГЛАВА 10.

О том, что повествование о нем и нужно, и душеполезно.

Говорить об этом блаженнейшем муже, соответственно его достоинству, для меня, конечно, трудно, гораздо безопаснее и надежнее было бы молчать о нем, но чтобы отклонить от себя упрек в лени и нерадении³⁹, я признал необходимым, подражая памятникам смертной живописи, начертать для потомства словесный образ этого боголюбивого государя. Мне стыдно было бы перед самим собой о василевсе, который чтит Бога с величайшим благоговением, не сказать по силам хотя бы чего-нибудь малого и слабого. Я думаю даже, что это сочинение, описывающее дела великого государя, благоугодные Всецарю - Богу, будет и для жизни вообще полезно, и для меня нужно. Если нашлись ревностные писатели, изобразившие прекрасным языком дурные поступки и во многих книгах изложившие историю Нерона⁴⁰ и других, еще гораздо худших, нечестивых, и безбожных тиранов, то не стыдно ли было бы молчать нам, коим сам Бог благоволил даровать такого василевса, о каком не возвещала история, видеть его, знать и беседовать с ним?

ГЛАВА 11.

*О том, что Евсевий будет повествовать только о богоугодных делах
Константина.*

Итак, если кому, то именно нам следует проповедовать о великой славе добродетелей и возвестить о них всем тем, в ком через подражание прекрасным подвигам возбуждается жажда божественной любви. Иные, руководствуясь чувством благорасположения или ненависти, а нередко подстрекаемые просто желанием показать свою ученость, пышно и высокопарно, хотя совсем без нужды, излагают повествования о делах постыдных, описывают жизнь мужей, не заслуживающих уважения, и поступки, для улучшения нравов бесполезные, через что в отношении к людям, по милости Божьей, еще не испытавшим зла, становятся учителями дел не только не добрых, но стоящих того, чтобы оставлять их в забвении и мраке. Напротив, моя речь, для описания великих событий, конечно слабая, будет однако же украшаться даже и сухим рассказом о добрых делах, — тем более, что припоминание богоугодных подвигов на души хорошо настроенные производит не бесполезное, а весьма благотворное влияние⁴¹. Итак, я

думаю умолчать о весьма многих государственных распоряжениях блаженнейшего василевса, например, о его войнах и сражениях с врагами, о его мужестве, победах, трофеях⁴² и торжествах над ними, о его постановлениях в пользу частных лиц, о его законодательстве ко благу общественной жизни подданных, и о других бесчисленных его подвигах на поприще государственного управления, о которых все помнят. Сообразно с предположенной целью сего сочинения мы будем говорить и писать только то, что относится к жизни богоугодной. А поелику и таких предметов представляется великое множество, то, из всех дошедших до нас выбрав наиболее приличные и достойные нашего воспоминания, я изложу сказание о них с возможной кдәдѣйбѣй. Теперь уже самое время позволяет прославлять поистине блаженного василевса различными родами речи, потому что делать это прежде было невозможно, — не велено ублажать человека до его смерти, ибо неизвестно, каким превратностям подвергнется жизнь его⁴³. Призовем же на помощь Бога, да вдохновится в нас содействующее намерению нашему Небесное Слово, и мы начнем таким образом описывать мужа с самого раннего его возраста.

ГЛАВА 12.

О том, что Константин, подобно Моисею, воспитан при дворе тиранов.

Есть древнее сказание, что еврейский народ страдал под жестокой династией тиранов, и что Бог, удостоив страдальцев своего благоволения, через действие промысла, дал случай пророку Моисею⁴⁴, бывшему еще младенцем, получить воспитание в самых чертогах, на груди тиранов, и научиться у них мудрости. Когда с течением времени он достиг мужского возраста и небесный суд потребовал от притеснителей отчета в их неправдах, тогда пророк Божий, выйдя из дома тиранов, сделался служителем воли Высочайшего и, отказавшись словом и делом от воспитателей, признал близкими истинных своих братьев и сродников. После того Бог поставил его вождем всего народа, и евреев освободил от рабского служения врагам, а на поколение тиранов навел через него посланные свыше казни. Это древнее сказание, передаваемое многими в виде поучительного рассказа, дошло до слуха всех. Но ныне тот же Бог даровал и нам осязательное для чистых очей и вернейшее всякого слуха зрелище гораздо больших чудес, чем то о которых повествуется в сказаниях. Тираны, восстававши на нас

воздвигали войну против Бога и подвергали мучениям его Церковь⁴⁵. А между тем среди них был уже Константин, впоследствии бич тиранов, но тогда еще юноша ранних лет, нежный, украшенный едва пробивавшейся бородой. Подобно тому слуге Божьему он сидел во внутренних, принадлежавших тиранам, покоях⁴⁶, и однако же, несмотря на свою молодость, не унаследовал ничего свойственного нравам этих безбожников. Добрая природа, силой Духа Божьего, и в то уже время влекла его к благочестивой и богоугодной жизни, да и само соревнование с отцом призывало сына к подражанию ему в доблестях, потому что отец Константина (при настоящем случае нельзя не воскресить его в памяти), Констанций⁴⁷ был одним из славнейших наших автократоров. Мы считаем нужным кратко сказать о нем все то, что относится к похвале его сыну.

ГЛАВА 13.

О том, что отец его Констанций не хотел преследовать христиан как было при Диоклетиане⁴⁸, Максимiane⁴⁹ и Максенции⁵⁰.

Когда самодержавная власть над Римом разделена была между четырьмя лицами, — один только Констанций чуждался безнравственной жизни своих товарищей⁵¹, и стремился выражать любовь к Богу всяческих. Те нападали на церкви Божьи и разрушали их сверху до низу⁵², а дома молитвы истребляли до самого основания, напротив, он сохранил свои руки чистыми от такого губительного нечестия и никогда ни в чем не уподоблялся им. Те осквернили подчиненные себе области домашними убийствами благочестивых мужей и жен⁵³, а он соблюл свою душу не запятнанной таким преступлением. Те, вдаввшись во всякое зло беззаконного идолослужения, поработили коварству лукавых демонов сперва самих себя, а потом и всех подданных, напротив он, блюститель совершеннейшего мира между своими подданными, предоставил им безбедно исповедывать веру в Бога. Другие, стесняя всех людей самыми тяжкими обстоятельствами, делали их жизнь трудной, хуже смерти⁵⁴, один только Констанций умел в своей власти явить подданным источник безопасности и спокойствия, потому что заботливость его о них ни в чем не уступала отеческому попечению. Впрочем, так как добродетелей этого мужа бесчисленное множество, и их все прославляют, то, приведя на память один или другой его подвиг, в смысле основания для заключения к тем, о которых умолчу, я перехожу к предполагаемой цели своего сочинения.

ГЛАВА 14.

О том, как отец его Констанций, выслушав от Диоклетиана упрек в бедности, наполнил свои сокровищницы и потом возвратил деньги людям, которые принесли их.

Когда разнеслась громкая молва о кротости, доброте, боголюбивых качествах сего василевса, и о том, что, до крайности щадя подданных, он даже не собирает денег в казнохранилища, другой василевс⁵⁵, занимавший тогда первую степень власти, через своих послов укорял его в небрежении в делах общественных и упрекал бедностью, подтверждая свои слова тем, что в его казнохранилищах ничего нет. Констанций попросил пришедших от василевса погостить у себя, а между тем из всех подвластных себе народов созвав людей, владевших огромным богатством, объявил им, что он имеет нужду в деньгах, и что теперь представился случай, в котором каждый из них должен доказать свободную преданность василевсу. Слышавшие уже давно желали этого, чтобы выразить доброе свое усердие, и потому скоро и живо наполнили царские казнохранилища золотом, серебром и другими драгоценностями, стараясь превзойти друг друга в своих пожертвованиях и делая это с веселыми и улыбающимися лицами. Как скоро все было кончено, Констанций попросил послов великого василевса лично взглянуть на его богатство, и о том, что они увидят, приказал донести василевсу. “Все это собрал я теперь к себе -говорил он-, а прежде хранил деньги у их владельцев, как у верных казначеев”. Такое дивное дело поразило зрителей. По отъезде их, человеколюбивейший василевс, говорят, призвал владельцев собранных денег и, похвалив их за доверие и доброе к себе расположение, приказал взять обратно каждому свое и возвратиться домой. Один уже этот поступок служит доказательством его человеколюбия, но мы приведем и другой, ясно свидетельствующий о его набожности.

ГЛАВА 15.

О гонении, воздвигнутом другими.

Правители областей, по предписанию императоров, преследовали христиан во всех странах земли⁵⁶. Боголюбивые мученики прежде всего выходили из царских дворцов и, вступая на попрание

подвигов за благочестие, мужественно выдерживали силу огня и железа, погружались в глубины моря и принимали все роды смерти, так что за короткое время нигде в царских дворцах не оставалось мужей боголюбивых⁵⁷. Это-то особенно и отвратило взор Божий от гонителей, потому что, преследуя христиан, они вместе с тем отгоняли и их молитвы за себя.

ГЛАВА 16.

О том, как отец его Констанций, притворяясь идолопоклонником, отвергал людей, желавших приносить жертвы, и содержал в своем дворе исповедников христианской веры.

Только в ум одного Констанция вселилась какая-то мудрость. Он совершает такое дело, что и слышать о нем дивно, а видеть его исполнение еще удивительнее. Всем своим архонтам⁵⁸ предоставив право стремиться даже к власти правителей⁵⁹, он предписывает им следующее условие: кто станет приносить жертву демонам⁶⁰, тот может оставаться у него и пользоваться обыкновенными почестями, а не делающие этого не будут иметь к нему доступа, получают приказание выйти вон и лишатся знакомства и короткого с ним обращения. Между тем как придворные делились на две партии, и одни присоединялись к той, другие к другой, нрав каждого из них более и более обнаруживался. Тогда дивный государь, открыв тайную сторону своей мысли, одних осудил за малодушие и самолюбие, других очень похвалил за преданность Богу. Первых, как предателей Бога, он признал недостойными и самого василевса, ибо как соблюсти им верность василевсу, когда они оказались вероломными в отношении к Высочайшему? Поэтому повелел прогнать их далеко от царского дворца. Напротив, последних, по свидетельству истины, оказавшихся достойными Бога, следовательно достойными и государя, обещал сделать своими телохранителями и блюстителями самого царства. Таких людей, говорил он, надобно почитать первыми и необходимыми друзьями и ценить их гораздо выше сокровищниц с величайшими богатствами.

ГЛАВА 17.

О христолюбивом его расположении.

Отец Константина был именно таков, каким мы кратко описали его. Но показав себя таким в отношении к Богу, как он умер? Как отличил его чтимый им Бог от прочих соучастников царствования? Это узнает всякий, кто обратит внимание на свойство самого дела. Давая подданным в течение долгого времени испытывать доказательства царской своей добродетели, признавая одного над всеми Бога, и презирая образ жизни безбожников, он оградил свой дом молитвами святых мужей и остальное время жизни провел приятно и спокойно. В том-то и полагают счастье, чтобы и самому не терпеть огорчений, и другому не причинять их. Таким образом, на всем протяжении ровного и безмятежного царствования он весь свой дом, вместе с детьми, женой и домашними, посвящал одному Царю Богу, так что общество собравшегося в его дворце народа ничем не отличалось от Церкви Божьей. В этом обществе находились и служители Бога, которые непрестанно возносили молитвы о василевсе своем, тогда как обыкновенно нельзя было произнести и одного слова о роде благочестивых⁶¹.

ГЛАВА 18.

О том, что, по отречении Диоклетиана и Максимиана, Констанций сделался первым Августом и украшался благочадием.

Вскоре за сим послана была ему награда от Бога, так что он вступил на высшую степень самодержавной власти⁶². Старшие по времени государи, не знаю почему, отказались от престола⁶³. Эта неожиданная перемена произошла по истечении первого года⁶⁴ стеснительной осады церквей. И тогда-то Констанций провозглашен первым августом и кесарем. Сначала был он украшен диадемой⁶⁵ кесарей автократоров и занял первое между ними место, а потом, отличившись в этом сане, облечен высочайшей у римлян властью, — наименован первым из четырех избранных впоследствии кесарей⁶⁶. Притом он превосходил многих автократоров даже благочадием и был окружен большим обществом детей мужского и женского пола⁶⁷. Когда же, наконец, обремененный дряхлой старостью, готовился он отдать долг общей природе и собирался оставить жизнь, — Бог и тут опять явился для него творцом дивных дел. Отцу, находившемуся при смерти, он приготовил в преемники царству старшего сына его, Константина.

ГЛАВА 19.

*О сыне его Константине, когда он в юности жил вместе с
Диоклетианом, прежде чем прибыл в Палестину.*

Константин находился у сотоварищей своего отца по царствованию и жил среди них, как мы сказали, подобно тому древнему пророку Божьему. Перейдя из отрочества в возраст юношеский, он уже удостоился от них первой чести⁶⁸. Таким знали его и мы, когда он со старейшим из царей⁶⁹ проезжал через Палестину. Стоя с правой стороны василевса, людям, желавшим видеть его, он казался величественным и уже в то время обнаруживал в себе знаки царского высокоумудрия. По красоте тела и высоте роста, не было подобного ему, а телесной силой до того превосходил он сверстников, что они боялись его. Но еще более, чем совершенствами тела, украшался он добродетелями души, и прежде всего отличался скромностью, а потом — ученостью, врожденным умом и дарованной от Бога мудростью⁷⁰.

ГЛАВА 20.

Возвращение Константина к отцу, по случаю умысла Диоклетиана.

Тогдашние государи, видя, что этот юноша бодр, силен, велик и богат умом, исполнились зависти и страха и начали выжидать удобного случая, как бы подстеречь его и запятнать каким-нибудь бесчестьем. Но юноша, заметив это (подобные умыслы, по мановению Божьему, не раз уже обнажались перед ним⁷¹), искал спасения в бегстве, чем опять уподобился великому пророку Моисею. Во всем этом помогал ему Бог, приготавливая в нем преемника отцу его⁷².

ГЛАВА 21.

Смерть Констанция и завещание царства сыну его Константану.

Избегнув задуманных козней, Константин поспешно отправился к отцу, хотя прибыл к нему не скоро. Между тем жизнь его отца в то самое время находилась уже на краю могилы⁷³. Но сверх всякого чаяния увидев перед собой сына, Констанций вскочил с постели, принял его в свои объятия и, сказав, что, собираясь оставить жизнь, он стряхивает теперь с души и последнюю скорбь — отсутствие сына, вознес благодарственную молитву Богу: отныне смерть для меня лучше

бессмертия, произнес он. Потом устроив свои дела, и в присутствии сыновей и дочерей, которые окружали его в виде хора⁷⁴, в самом дворце, с царского одра, передав жребий царствования, по закону природы, старшему сыну, он скончался⁷⁵.

ГЛАВА 22.

Как, при выносе Констанция, войска провозгласили Константина Августом.

Итак, государство не осталось без василевса. Облекшись в отеческую багряницу⁷⁶, Константин вышел из царских покоев и показался всем, точно будто бы отец возвратился к жизни и продолжал царствовать в лице сына. Потом он сопутствовал погребальному шествию в сопровождении окружавших его друзей отца, из которых одни шли впереди, другие позади его, и провожал боголюбивого василевса со всем великолепием. Блаженнейшему все выражали свое почтение благословениями и похвальными песнями и, единодушно прославляя царствование сына, по сходству, казавшееся возобновлением власти усопшего, вдруг с первого слова, громкими восклицаниями и приветствиями провозгласили нового василевса автократором и почитаемым августом⁷⁷. Похвальные восклицания сыну служили украшением усопшему, а то, что такой отец избрал себе именно этого преемника, относилось к прославлению сына. Все подвластные ему народы исполнились весельем и невыразимой радостью, что и на малое время не были лишены царского благоустройства. Таковую-то кончину благочестивой и боголюбивой жизни показал Бог нашему поколению (на примере) василевса Констанция.

ГЛАВА 23.

Краткое упоминание о гибели тиранов.

А каков был конец жизни других, которые против Божьих церквей вели настоящую войну, — рассказывать в этом случае я счел неприличным: — зачем память добрых омрачать повествованием о людях, противных им? Довольно и одного опытного познания дел для вразумления тех, которые собственными очами и ушами узнали историю событий, случившихся с каждым из тиранов.

ГЛАВА 24.

О том, что Константин получил царскую власть по воле Божьей.

Итак, Константина, рожденного таким отцом, Бог всяческих и Владыка всего мира сотворил императором и вождем народов сам собой. Между тем, как другие удостаиваются этой чести по суду человеческому, — Константин был единственный василевс, призванием которого не может похвалиться никто из людей.

ГЛАВА 25.

Победы Константина над варварами и британцами.

Утвердившись на царстве, Константин тотчас же начал печься об отеческом наследии, обозревать все прежде бывшие под властью отца его области⁷⁸ и с великим человеколюбием управлял ими. Сверх того подчинил себе варварские племена по Рейну и западному берегу океана, которые осмелились было возмущаться, и из диких сделал их кроткими, а других, походивших на лютых зверей, усмирил, и видя, что они не способны к принятию правил мирной жизни, прогнал их от пределов своей империи⁷⁹. Как скоро все это окончилось согласно с его желанием, он обратил свой взгляд на другие части наследия и немедленно переплыл к народам Британии, лежащей среди океана. Овладев же и ими, осматривал прочие области государства и старался подавать помощь там, где она требовалась.

ГЛАВА 26.

О том, как он решился избавить Рим от Максенция.

Потом он представил себе всю Ойкумену, как одно великое тело⁸⁰ и, видя, что глава этого тела — царственный город римской земли терпит рабское притеснение от тирана⁸¹, защиту его сперва предоставил властителям над прочими частями государства, как лицам, по возрасту старше⁸² себя. Но когда никто из них был не в состоянии оказать помощь свою Риму, так что желавшие попытаться постыдно оканчивали свое предприятие⁸³, Константин сказал, что жизнь ему не в жизнь, пока царственный город будет оставаться под бременем бедствий, и начал - готовиться к уничтожению тирании.

ГЛАВА 27.

О том, что вразумленный гибелью идолопоклонников, он избрал христианство.

Уразумев, что ему нужна помощь выше воинских средств, Константин, для отражения злоумышлений и чародейских хитростей⁸⁴, которыми любил пользоваться тиран, искал помощи Божьей. Вооружение и множество войска почитая средствами второстепенными, он признавал непреодолимым и несокрушимым только содействие Бога. Поэтому стал думать, какого Бога призвать бы себе на помощь. При решении сего вопроса, ему пришло на мысль, что немалое число прежних державных лиц, возложив свою надежду на многих богов и служа им жертвами и дарами, прежде всего бывали обманываемы лъстивыми оракулами, обольщались благоприятными предсказаниями и оканчивали свое дело неблагоприятно. Ни один из богов не был к ним столь милостив, чтобы не подвергать их посланным свыше бедствиям. Только отец его шел путем тому противным. Видя их заблуждение и во всю свою жизнь чтя единого верховного Бога всяческих, он находил в Нем спасителя своего царства, хранителя его и руководителя ко всякому благу. Константин различал это сам про себя и основательно рассуждал, что полагавшиеся на многих богов подвергались и многим бедствиям, так что между людьми не осталось ни рода их, ни племени, ни корня, ни имени, ни памяти, между тем как Бог отца его давал ему чувствовать разительные и весьма многие доказательства своей силы. Сверх того наблюдал он, что прежде уже вступавшие в войну с тираном сражались при множестве богов, однако же имели постыдный конец: один из них удалился со стыдом, не начав еще дела⁸⁵, а другой, пораженный среди самого войска, сделался легкой добычей смерти⁸⁶. Слагая все это в своем уме, он почитал безумием — попусту держаться богов несуществующих и, после стольких доказательств, оставаться в заблуждении, а потому убедился, что должно чтить Бога отеческого.

ГЛАВА 28.

О том, как во время молитвы он удостоился видения от Бога, то есть среди дня увидел на небе крест из света с надписью, повелевавшей сим побеждать.

И начал призывать Его, просить и умолять, чтобы Он явился, вразумил его о себе и в предстоящем деле простер ему свою десницу. Усердно вознося свои молитвы и прошения об этом, василевс получил удивительнейшее, посланное от Бога знамение, так что и поверить было бы не легко, если бы говорил кто-то другой. Но нас с клятвой уверял в этом сам победоносный василевс, когда, спустя долго после того, мы писали настоящее сочинение и удостоились его знакомства и беседы; посему, кто станет сомневаться в истине сего сказания, тем более, что и последующее время было свидетелем его истины? “Однажды, в полуденные часы дня, когда солнце начало уже склоняться к западу,”- говорил василевс,- “я собственными очами видел составившееся из света и лежавшее на солнце знамение креста, с надписью: “сим побеждай!”(τοῦτο νικά). Это зрелище объяло ужасом как его самого, так и все войско, которое, само не зная куда, следовало за ним и продолжало созерцать явившееся чудо.

ГЛАВА 29.

О том, как во сне явился ему Христос и повелел в войне с врагами иметь знамя, изображающее крест.

Константин находился, однако же, в недоумении и говорил сам себе: “что бы значило такое явление?” Но между тем как он думал и долго размышлял о нем, наступила ночь. Тогда во сне явился ему Христос Божий с виденным на небе знаменем и повелел, сделав знамя, подобное этому виденному на небе, употреблять его для защиты от нападения врагов⁸⁷.

ГЛАВА 30.

Изготовление такого крестного знамени.

Встав вместе с наступлением дня, Константин рассказал друзьям свою тайну и потом, созвав мастеров, умевших обращаться с золотом и драгоценными камнями, сел между ними и, описав им образ знамени, приказал, в подражание ему, сделать такое же из золота и драгоценных камней. Это знамя некогда случалось видеть и нам собственными очами.

ГЛАВА 31.

Описание крестовидного знамени, которое ныне римляне называют хоругвью.

Оно имело следующий вид: на длинном, покрытом золотом копье была поперечная рея, образовавшая с копьём знак креста. Сверху на конце копья неподвижно лежал венок из драгоценных камней и золота, а на нем символ спасительного наименования: две буквы показывали имя Христа, обозначавшееся первыми чертами, из середины которых выходило “р”. Эти буквы василевс впоследствии имел обычай носить и на шлеме. Потом на поперечной рее, прибитой к копью, висел тонкий белый плат - царская ткань⁸⁸, покрытая различными драгоценными камнями и искрившаяся лучами света. Часто вышитый золотом, этот плат казался зрителям невыразимо красивыми, вися на рее, он имел одинаковую ширину и длину. На прямом копье, которого нижний конец был весьма длинен, под знаком креста, при самой верхней части описанной ткани, висело сделанное из золота грудное изображение боголюбивого василевса и его детей⁸⁹. Этим-то спасительным знаменем, как оборонительным оружием, всегда пользовался василевс, для преодоления противной и враждебной силы, и приказал во всех войсках носить подобные ему⁹⁰.

ГЛАВА 32.

О том, как Константин, будучи оглашен, читал Божественное Писание.

Но это было немного после. В описываемое же время, пораженный дивным видением и решившись не чтить никакого другого Бога, кроме виденного, Константин призвал к себе таинников (μυστας) Его слова и спросил их, кто тот Бог, и какой смысл знамения, которое он видел? Они отвечали, что тот Бог есть едиnorodный Сын одного и единственного Бога, а явившееся знамение — символ бессмертия и торжественный знак победы над смертью, которую одержал он, когда приходил на землю. Потом подробно раскрыв учение о вочеловечении, они объяснили Константину и причины его пришествия. Константин, хотя и вразумлялся их словами, однако же тем не менее имел перед очами чудо дарованного ему богоявления и, сравнивая небесное видение со словесным объяснением, утверждался в своих мыслях. Он был убежден, что знание сих предметов посылается ему свыше, и даже сам

начал заниматься чтением божественных Писаний⁹¹. Сверх сего, повелел находиться при себе Божиим иереям с той мыслью, что виденного Бога должно чтить всеми способами служения. Оградившись таким образом благими на Него надеждами, он поспешил наконец угасить пламень тиранского огня⁹².

ГЛАВА 33.

О любодеении Максенция в Риме.

И действительно, завладев хищнически царственным городом, тиран непрестанно отваживался на нечестивые и злодейские поступки, так что не было дерзости, которой не позволял бы он себе в делах мерзких и нечестивых. У мужей отнимал законных жен и, обесчестив их, отсылал с позором назад к мужьям. Такие насилия совершал он не с незначительными и маловажными людьми, а с занимавшими первые места в римском сенате. Но сколь ни многие благородные женщины были постыдно оскорблены им, — невоздержанная и сладострастная душа его не могла насытиться. Впрочем, начав беспокоить и христианок, он никак не мог успеть в своих умыслах, потому что христианки скорее соглашались предать душу на смерть, нежели тело на растление.

ГЛАВА 34.

О том, как жена епарха, для сохранения целомудрия, умертвила сама себя.

Например, одна женщина, бывшая замужем за кем-то из тамошних сенаторов, имевшим власть епарха⁹³, как скоро узнала, что прислужники тирана в подобных делах стоят у ее дома, (а она была христианкой), и что сам муж ее от страха позволил им взять и увезти ее, - выпросила себе минуту времени, будто для украшения тела приличными нарядами, потом вошла в свою спальню и, оставшись одна, пронзила мечем свою грудь. Смерть последовала мгновенно, и провожатые нашли только ее труп. Таким поступком громче всяких слов высказала она всем, и нынешним, и последующим людям, что одни христиане славятся целомудрием непобедимым и неистребимым⁹⁴. Такой оказалась эта женщина.

ГЛАВА 35.

Избиение римлян по велению Максенция.

Такими дерзостями жестокой тирании его стеснялись все: простолюдины и начальники, знатные и незнатные. Как ни спокойны были они, как ни переносили горькое рабство, - не могли избавиться от кровавой жестокости тирана. Например, однажды, под каким-то незначительным предлогом, он предал народ на убийство своим копыеносцам⁹⁵, и целые тысячи римлян пали среди города, не от скифов или варваров, но от копий и оружия сограждан. А скольких сенаторов он допустил убить по навету, чтобы завладеть имуществом каждого из них, - и перечислить невозможно. Под разными, выдуманными предлогами, убиты были весьма многие из них.

ГЛАВА 36.

Чародейство Максенция и голод в Риме.

Но концом злодеяний тирана стало то, что он вдался в чародейство. Для целей магии, то рассекал он беременных женщин, то рассматривал внутренности новорожденных младенцев, то умерщвлял львов и совершал другие невыразимые мерзости, чтобы вызвать демонов и отвратить наступавшую войну. Этими-то способами надеялся он одержать победу. Тиранствуя таким образом в Риме, - и сказать нельзя, чем не притеснял он подданных. В самом необходимом пропитании терпели они крайнюю нужду и такой недостаток, какого наши современники и не запомнят в Риме⁹⁶.

ГЛАВА 37.

Поражение войск Максенция в Италии.

Скорбя обо всем этом, Константин вооружился против тирании всеми средствами. Признав Бога всяческих и призвав, как спасителя и помощника, Христа Его, также поставив перед своими гоплитами⁹⁷ и копыеносцами⁹⁸ победную тофей (νικητικον τροφα) со спасительным знаменем, он выступил со всем войском в поход и решил вернуть римлянам полученную ими от предков свободу. Между тем как Максенций, надеясь более на хитрости волшебства, нежели на любовь

подданных, не смел выйти даже и за ворота крепости, но всякое место, всякую страну, всякий подвластный себе город защитил множеством гоплитов и бесчисленными отрядами войска, — василевс, надеясь на помощь Божью, раз, два и три нападал на войска тирана и, разбивая их с первого раза, занял большую часть Италии⁹⁹.

ГЛАВА 38.

Смерть Максенция на мосту реки Тибр.

Наконец, он был уже близ Рима. Но чтобы не принуждать его воевать с римлянами ради тирана, последнего, будто какими цепями, Бог сам увлек весьма далеко от городских ворот¹⁰⁰ и, говоря вообще, всем верным и неверным, лично видевшим дивные события, деятельно доказал, что древние, описанные в священных книгах происшествия, для многих нечестивых кажущиеся мифологией, для верующих истинны. Как во времена Моисея и благочестивого некогда народа еврейского, Бог свергнул в море колесницы фараона и войска его, и в Черном море погрузил отборных всадников тристатов¹⁰¹ (Исх. 15, 45), так, подобно камню, пали во глубину Максенций и бывшие с ним гоплиты и копыеносцы¹⁰². Обращенный в бегство Константином, подкрепляемым силой Божьей, Максенций на пути должен был перейти через реку. Соединив суда, он сделал из них мост¹⁰³ и благодаря этому искусству приготовил свою гибель, хотя надеялся употребить его для гибели друга Божьего (εὖ φίλον). Между тем, как последнему помогал сам Бог, — тот жалкий человек, лишившись Его помощи, тайными своими хитростями погубил самого себя. Посему можно сказать: *ров изры и ископа и, и падет в яму, юже содела. Обратится болезнь его на главу его, и на верх его неправда его снидет* (Пс. 7, 16. 17). Именно: так как хитрости, скрытно заключавшиеся в связях моста, по мановению Божьему, действовали в не предполагаемое время; но мост исчез, суда со всеми людьми вдруг погрузились в речные глубины¹⁰⁴, — и сам бедняк прежде всех, а потом его щитоносцы и копыеносцы¹⁰⁵, по выражению божественных пророчеств, *погрязоша яко олово в воде зельней* (Исх. 15, 10); так что вспомоществуемые от Бога победители, подобно народу, бывшему под предводительством великого служителя Божьего Моисея, если не словами, то самым делом повторили песнь, воспетую против древнего нечестивого тирана, и воскликнули: *Поим Господеви, славно а́ι ἰδῆῖαῖδῆς: коня и всадника вверже в море. Помощник и покровитель бысть мне во спасение*. И еще: *Кто подобен*

тебе в бозех, Господи, кто подобен Тебе? Прославлен во святых, дивен в славе, творяй чудеса (Ис. 15, 1. 2. 11).

ГЛАВА 39.

Вступление Константина в Рим.

Подобно великому служителю Божьему (Моисею), воспев на самом деле это и подобное этому, в честь Владыки всех и Виновника победы, Константин с торжеством вступил в царственный город. Тотчас все и члены сената, и другие высшие и знатные сановники (Επιφανες), со всем римским народом, как бы освободившись от оков, приняли его с веселыми лицами и сердцами, с благословениями и невыразимой радостью. В то же время мужья с женами, детьми и тьмой рабов громогласно и неудержимо провозглашали его своим избавителем, спасителем и благодетелем. Впрочем, обладая как бы врожденным благочестием, он нисколько не тщеславился сими восклицаниями и не возгордился похвалами, но сознавая помощь Божью, тотчас же вознес благодарственную молитву к Виновнику победы.

ГЛАВА 40.

О его статуе с крестом в руках и о надписи.

И возвестил всем людям о спасительном знамени посредством великого писания и столпов, а именно, среди царственного города воздвиг против врагов этот священный символ и начертал определенно и неизгладимо, что сие спасительное знамя есть хранитель римской земли и всего царства. Когда же на самом людном месте Рима поставили ему статую, он немедленно приказал то высокое копье в виде креста утвердить в руке своего изображения и начертать на латинском языке слово в слово следующую надпись: “Этим спасительным знаменем, истинным доказательством мужества, я спас и освободил ваш город от ига тирана и, по освобождении его, возвратил римскому сенату и народу прежние блеск и славу”.

ГЛАВА 41.

Радость областей и всепрощение, дарованное Константином.

Таким образом боголюбивый василевс, славясь исповеданием победоносного креста, весьма решительно проповедал Сына Божьего и самим римлянам. И все жители города, весь сенат и народ, как бы отдохнув от горького и тиранического владычества, казалось, вдруг начали наслаждаться чистейшими лучами света и приняли жребий перерождения в новую жизнь. В то же время праздновали и все народы, граничившие с западным океаном. Освободившись от прежних зол и светло веселясь по случаю великих торжеств, они прославляли доблестного победителя, богопочтителя и общего благодетеля; все единогласно и едиными устами сознавались, что Константин, по благодати Божьей, сияет для людей общим благом. К тому же, везде читали царскую грамоту, которой отнятое имущество возвращалось их владельцам, невинно потерпевшие ссылку вызывались на родину, вообще — подвергшиеся какой бы то ни было жестокости тирана, освобождались от уз и избавлялись от всякой опасности и страха¹⁰⁶.

ГЛАВА 42.

Уважение епископов и созидание церквей.

Между тем, созывая служителей Божьих, василевс выражал им свою услужливость и отличное уважение, и смиренномудрствовал перед ними словом и делом, как перед мужами, посвященными Богу. Эти мужи, по своей одежде казавшиеся ничтожными, но не так воспринимаемые Константином, разделяли с ним трапезу, потому что в человеке он смотрел не на человека, которого видят многие, а на Бога. Равным образом, куда бы сам ни шел, брал и их с собой в том убеждении, что Бог, которому они служат, по крайней мере, за это будет к нему милостив. Мало того, своими богатствами помогал он и церквам Божьим, то расширяя и возводя выше молитвенные дома, то весьма многими приношениями украшая святыя алтари церквей.

ГЛАВА 43.

О благодеяниях Константина, оказанных бедным.

Сверх сего, он раздавал более или менее денег бедным, также был человеколюбив и оказывал благодеяния приходившим к нему иноверцам, нищих и отверженных, собирающих милостыню на площадях, приказал снабжать не только деньгами и необходимой

пищей, по и приличной одеждой, а тем, которые, прежде живя хорошо, впоследствии испытали неблагоприятную перемену обстоятельств, помогал еще с большей щедростью, оказывал великие, истинно царские благодеяния: одним дарил земли, других отличал различными знаками чести. О детях, подвергшихся несчастью сиротства, заботился он вместо отца¹⁰⁷, участь жен, узнавших беспомощное вдовство, облегчал собственным покровительством, а дев, лишившихся родителей и осиротевших, даже выдавал замуж за известных себе и богатых людей, и делал это, давая наперед невестам все, что должны были они принести лицам, вступившим с ними в брак. Как солнце, восходя над землей, щедро проливает на всех лучи своего света, так и Константин, вместе с восходом солнца выходя из царского дворца и не отставая от небесного светила, обильно проливал на всех встречавшихся светлые лучи своей благотворительности. Не было человека, который, приближаясь к нему, не получил бы какого-либо блага, не было и таких, которые, ожидая от него помощи обманулись бы в доброй своей надежде.

ГЛАВА 44.

О том, как он присутствовал на соборах епископов.

Таков был Константин ко всем вообще. Но имея особенное попечение о Церкви Божьей, он, в случае взаимного несогласия епископов в различных областях, действовал как общий, поставленный от Бога епископ, и учреждал Соборы служителей Божьих, даже не отказывался являться и заседать сам среди сонма их и, заботясь о мире Божьем между всеми, принимал участие в их рассуждениях¹⁰⁸. А заседал он в середине, как один из многих, удалив от себя копьеносцев, гоплитов и всех телохранителей, и ограждаемый только страхом Божьим, охраняемый любовью верных друзей своих. Кого находил он склонным принять мнение более здоровое и готовым к миру и согласию, того особенно одобрял и показывал, что рад видеть всеобщее единодушие, а от упорных отворачивался¹⁰⁹.

ГЛАВА 45.

О том, как он был терпелив даже в отношении к безумным.

Некоторые негодовали даже и на него, но он сносил это незлобиво и в спокойных, кротких выражениях повелевал им не

возмущаться, но быть рассудительнее. Одни из таких людей, вразумленные его убеждениями, переменялись, а других, не хотевших прийти к здоровому образу мыслей, он отпустил ради Бога, сам же никого и ничем не оскорблял. Потому-то, вероятно, возмутившиеся в одной области Африки¹¹⁰ дошли до такого страшного безумия, что отважились на некоторые дерзости. Кажется, сам демон, позавидовав обилию настоящих благ, возбудил этих людей к столь нелепым действиям, чтобы раздражить против них сердце василевса. Впрочем, ненависть не удалась: поступки их василевс нашел смешными и говорил, что они произведены под влиянием лукавого, ибо такие дерзости свойственны не здоровомыслящим, но либо совершенно помешанным, либо подстрекаемым злым демоном. Этих людей надобно более жалеть, чем наказывать: подвергать наказанию безумных было бы гораздо безрассуднее, чем сколько-нибудь человеколюбиво иметь к ним сострадание.

ГЛАВА 46.

Победы его над варварами.

Так-то василевс каждым поступком служил блюстителю всех Богу, и свое попечение о Его церквях сохранял неуязвимым. Воздавая ему за это, Бог покорил под ноги его все племена (γενη) варваров, так что его знаменам доставлял повсюду торжество над врагами, везде провозглашал его победителем (νικητην) и его имя сделал страшным для всех неприятелей и противников, хотя по природе он был не таков, но самый миролюбивый, самый кроткий и человеколюбивый, какого никогда не бывало¹¹¹.

ГЛАВА 47.

Смерть замыслителя козней, Максимиана и других, которых сам Бог открыл Константину.

Между тем, как Константин занимался этим, — другой, отказавшийся от престола, обличен был в коварном умысле на его жизнь и умер постыдной смертью¹¹². Он считается первым, которого портреты, статуи и ἰδὶ-εἶα присвоенные ему памятники чести, как знаки человека нечестивого и безбожного, были повсюду низвергнуты¹¹³. После него взяты были и другие из того же рода, тайно строившие козни

Константину, потому что слуге своему Бог дивно, посредством видений, открывал умыслы всех их¹¹⁴, да и вообще, многократно удостаивал его богоявления, позволяя ему чудесным образом созерцать лик Свой и даруя предвидение различных будущих событий. Впрочем, неизреченные чудеса благодати, которых сам Бог удостоил слугу своего, не могут быть описаны словом. Огражденный ими, он проводил свою жизнь безбедно и радовался, видя, что подданные и его любят, и сами все живут благодушно, более же всего радовался тому, что благоденствуют Церкви Божьи.

ГЛАВА 48.

Праздник десятилетия Константина.

Так завершилось десятилетие его царствования. По этому случаю он совершал всенародные праздники и Всецарю - Богу воссылал благодарственные молитвы, как приносимые без огня и курения жертвы¹¹⁵. Все это радовало Константина, но не таковы были для него слухи о бедствиях народов восточных.

ГЛАВА 49.

О том, сколько зла Лициний¹¹⁶ причинял Востоку.

Говорили, что там и Церковь, и прочих областных жителей терзает какой-то страшный зверь, что, как бы состязаясь с боголюбивым василевсом, лукавый демон там производит совершенно противное делам его¹¹⁷; так что римская земля, разделенная на две части¹¹⁸, кажется всем разделенной на день и ночь: то есть населяющие восток объаты мраком ночи, а жители другой половины государства озарены светом самого ясного дня. Зрелище бесчисленных благ, дарованных от Бога последним, несносно было и для ненавистника всякого добра, демона, и для притеснителя другой части империи, тирана, который, видя свои дела в хорошем состоянии и, удостоившись вступить в родство с таким василевсом, каков Константин¹¹⁹, не хотел подражать сему боголюбивому государю, но соревновался в злонравии и намерениях с нечестивыми: он старался следовать лучше мыслям тех, которых погибель видел собственными глазами, нежели дружеской любви превосходнейшего из государей.

ГЛАВА 50.

О том, как Лициний хотел строить козни самому Константину.

Не приводя на память ни законов природы, ни клятв, ни родственной крови, ни договоров, Лициний воздвиг непримиримую войну против своего благодетеля. Константин, василевс человеколюбивейший, являя ему знаки искреннего своего благорасположения, ввел его в родство со своими предками, удостоил участия в кровном союзе с древним царским домом¹²⁰ и, дав ему в супружество сестру, тем самым доставил ему право наслаждаться наследственной властью над всей империей. А Лициний между тем, держа в уме противное, лучшему из государей готовил козни и придумывал то те, то другие способы угрозы, как бы своему благодетелю заплатить злом. Сперва, притворяясь другом, он действовал по внушению коварства и обмана, и решился на это в надежде достигнуть цели. Но слуге своему Бог открывал все, устраиваемые во тьме, козни¹²¹. Пойманный на первых своих попытках, Лициний обратился ко второму средству — к обманам: то свидетельствовал он дружеское благорасположение, то утверждал доверие к себе клятвенными договорами, потом вдруг отвергал постановленные статьи, а между тем через послов говорил опять противное, опять худо скрывал свою лживость¹²², и наконец, прямо объявил войну, в припадке безумия спешил сразиться с самим Богом, которому, как он знал, василевс воздавал почтение.

ГЛАВА 51.

Козни Лициния епископам и возбранение соборов.

Но наперед, пользуясь злодейски выдуманнными предложениями, Лициний начал весьма скрытно нападать на подвластных себе служителей Божьих, которые никогда и ничем не оскорбляли его власти¹²³. Не имея в виду ни одной причины и не зная, чем упрекнуть этих мужей, он издал закон, запрещающий везде и всякое взаимное сообщение епископов, путешествие каждого из них в соседнюю Церковь, составление соборов или советов, и совещание о пользе (христиан). Это служило ему поводом к нападению на нас: ибо если мы нарушим закон, то надобно будет подвергнуть нас наказанию, а когда захотим поинноваться указу, то ослабим постановления Церкви, потому что споры

особенной важности не иначе могут примиряться, как соборно¹²⁴. Константин, благоговевая перед святыми и ревнуя о мире и единодушии, собирал в одно место святителей Божьих: напротив, Лициний, замышляя истребить все прекрасное, старался расстраивать согласие людей единодушных.

ГЛАВА 52.

Изгнание христиан и конфискация их имущества в казну.

Тогда как боголюбивый (Константин) благосклонно принимал служителей Божьих в царский дворец, — богоненавистник мыслил противное: всех подвластных себе богочтителей высылал из царского дворца, и мужей, особенно верных себе и благонамереннейших, изгонял в ссылку, а тех, которые за прежние свои подвиги получили от него знаки почестей и достоинства, подчинил другим и приказал им исправлять рабские должности. Притом, стараясь похищать имущество всех, как находку¹²⁵, он начал угрожать смертью людям, приписывавшим себе спасительное имя¹²⁶. Сам, человек с душой страстной, неводержанной, оскверненной множеством любодезаний и несказанно постыдных дел он не признавал целомудренной красоты в людях и все определял худой мерой собственной природы.

ГЛАВА 53.

Повеление женщинам не ходить в церковь вместе с мужчинами.

С этой мыслью он издал другой закон, запрещавший мужчинам, при возношении молитв к Богу, находиться вместе с женщинами, а женщинам посещать досточтимые училища добродетели. Запрещалось также епископам преподавать женщинам учение о богочтении и требовалось, чтобы для наставления женщин избирались бы женщины. Между тем, как этому все смеялись, он, для разрушения церквей, выдумал и еще нечто: приказал обычные собрания народа делать за городскими воротами, на открытом месте, под тем предлогом, что воздух вне города вообще гораздо чище, нежели в городских молельнях.

ГЛАВА 54.

Повеление не приносящим жертв не служить в войске, и заключенным

в темницу не приносить пищи.

Когда же увидел, что (христиане) и в этом не оказывают ему повиновения, то уже открыто приказал исключить из отрядов (ταγματων) военачальников (ηγεμονιχων) тех городских воинов, которые не будут приносить жертв демонам. Таким образом войска городского правительства¹²⁷ лишились богочтителей, а сам издатель этих законов (νομοθετης) лишился святых за себя молитвенников. Для чего упоминать о его постановлениях в отношении к предметам внешним, например, о его повелении, чтобы никто, по чувству человеколюбия, не приносил пищи страдающим в темницах и не изъявлял жалости к умирающим от голода узникам, одним словом, чтобы никто не был добрым и не делал никакого добра, хотя бы сама природа влекла кого-либо к состраданию ближним? Это был, конечно, бесстыдный и незаконнейший из законов, совершенно подавляющий природу. К нему прибавлено и наказание, то есть, люди страдающие должны потерпеть равную участь с теми, которым они сострадали, и совершающие дела человеколюбия подвергнуться наказанию, какое переносят наказанные.

ГЛАВА 55.

О беззакониях и любостыжании Лициния.

Таковы-то были постановления Лициния. Нужно ли исчислять его нововведения касательно брачующихся или умирающих, — нововведения, которыми древние римские, хорошо и мудро составленные законы он дерзнул отменить, и вместо них ввел какие-то варварские и жестокие? Ко вреду своих подданных, придумал он тысячи притязаний: придумал перемежевание земель, чтобы, по ненасытному стремлению к излишним домогательствам, на меньший участок (земли) наложить большую меру (хлеба)¹²⁸; придумал также сделать перепись земледельцев, которых уже не было, которые давно умерли, чтобы извлечь из того постыдную пользу, ибо его низость не имела меры, его жадность не знала насыщения¹²⁹. Посему, страдая в душе болезнью Тантала¹³⁰, он все наполнил золотом, серебром, необъятным имуществом, и все еще со стоном жаловался на бедность. А какие изобретал он ссылки для людей, вовсе невинных, как конфисковывал их имущества, как заточал мужей благородных и достойнейших, невест же их отдавал на срамное поругание ничтожным прислужникам, сколько замужных

жен, дев и отроковиц изнасиловал сам, дожив уже до старости? Но зачем много говорить, когда тяжесть последних его дел обличала маловажность и ничтожество прежних?

ГЛАВА 56.

О том, что наконец он решился начать гонение на христиан.

Концом же его безумия было вооружение против церквей и нападение на епископов, в которых видел он особенное сопротивление. Друзей великого и боголюбивого василевса он считал своими врагами. Посему, лишившись ума, изощрял гнев преимущественно на нас, и не выпускал из памяти предшествовавших себе гонителей, которые за свое нечестие им же погублены и казнены были, которых знал он лично и между которыми начальник злодеяний (Πρωτοατην)¹³¹, — кто он и как поражен посланным свыше бичом, стоял, будто живой, перед его глазами.

ГЛАВА 57.

О том, что, смиряемый фистулой и червями, Максимиан издал указ в пользу христиан.

Ибо как скоро вздумал он¹³² напасть на церкви и первый обагрил свою душу кровью праведников и богочтителей, тотчас постигло его посланное Богом наказание, которое начавшись от плоти, проникло в его душу. В самой середине между тайными удами его тела вдруг появился нарыв, потом образовалась глубокая фистульная язва, от которой началось неисцелимое разъятие отдаленнейших внутренностей, а через то расплодилось несчетное множество червей и стало распространяться смертоносное зловоние, потому что вся масса его тела от прожорливости превратилась в огромнейшую грудку жира. Все это теперь начало гнить и приближавшимся представляло, говорят, невыносимое и страшное зрелище. Борясь с такими мучениями, поздно уже сознался он, что терпит это за притеснение Церкви, исповедался перед Богом, прекратил γίβαῖα на христиан, законами и царскими указами заставлял их строить храмы, повелевал отправлять в них обычное служение и вossылать за себя молитвы.

ГЛАВА 58.

О том, что Максимин, преследовавший христиан, сам сделался беглецом и скрывался в одежде раба.

Такое наказание понес такой василевс, начавший гонение. Но очевидец сих событий¹³³, тот, о котором теперь пойдет речь и который определенно познал это собственным опытом, вдруг забыл обо всем, не приводил на память ни казни, назначенной первому, ни карательного суда над вторым¹³⁴. Стараясь превзойти первого на поприще злодеяний, он даже тщеславился изобретением для нас новых мучений. Ему мало было огня, железа и приговоя, диких зверей и морских глубин. Кроме всего этого, он измыслил еще казнь какую-то странную: установил уродовать орган зрения¹³⁵, и вдруг множество не только мужей, но и детей, и женщин, с померкшим правым глазом и с ослабленными посредством железа и приговоя (ηρσηαωδισ) суставами ног, предал на мучения в рудные шахты (θαλαττης βουθοι). За это вскоре постигло и его определение суда Божьего. Надеясь на демонов, которых почитал богами, и полагаясь на несчетные тысячи гоплитов, он вступил в сражение, но так как чужд был надежды на Бога, то и потерял неприличное себе царское достоинство, робко и недостойно вмешался в толпу и искал спасения в бегстве. Потом, скрываясь в селениях и деревнях, думал утаиться в одежде раба¹³⁶, но не мог убежать от великого и всевидящего ока Промысла. Почитая свою жизнь наконец вне опасности, он вдруг поражен был огненной стрелой Божьей и лежал лицом вниз. Тело его посланным от Бога ударом было истощено, так что все черты прежнего его образа исчезли, и из него остался только походивший на привидение скелет сухих костей¹³⁷.

ГЛАВА 59.

О том, что, в болезни потеряв зрение, Максимин издал указ в пользу христиан.

Когда же мышца Божья отяготила его еще сильнее, глаза у него выкатились, и выйдя из своих мест, оставили его слепым. Таким образом, по справедливому определению, он потерпел именно ту казнь, которую прежде всех изобрел для мучеников Божьих. Впрочем, и после такого поражения тиран еще дышал и, хоть поздно, однако же исповедывался перед христианским Богом, признавался в своем богоборчестве и, подобно первому, переменив образ мыслей, в законах

и указах письменно высказал свое заблуждение касательно чтимых им прежде богов и в собственном опыте находил убеждение, что истинный Бог есть только Бог христианский. Познав это из самых дел, а не от других посредством слуха, Лициний однако же оставался при том же, ум его окружен был каким-то мраком.

¹ Кесария Палестинская - город на средиземноморском побережье Палестины, столица провинции с 6 г. от Р.Х., епископия с 2 в. от Р.Х. Евсевий был епископом Кесарии с 313 г. до своей смерти в 339 г.

² Традиция празднования десятилетия правления ведет свое начало еще от первого римского императора - Августа. Формально Август каждые десять лет просил сложить с себя чрезвычайные полномочия, а Сенат упрощивал императора продолжить свое правление.

³ Имеются в виду разумеется не религиозные гимны, а традиционные славословия императору, произносимые нараспев во время совершения триумфов и празднования десятилетий правления.

⁴ Датой двадцатилетия правления Константина иногда считают 25 июля 326 г., хотя по сообщениям Евсевия (3.15; 4.44), это должен быть 325 г., так как Евсевий говорит о том, что Первый Вселенский Собор происходил во время этого празднования, а Тирский собор - во время празднования тридцатилетия. В.В.Болотов, например, также придерживается даты 325 г. (В.В.Болотов. Лекции по истории древней церкви. М., 1994 г. т.IV. с.46.) Эта ошибка объясняется тем, что дата десятилетия правления рассчитывалась от момента назначения цезарем, т.е. 305 г. (в нашем случае), когда Констанций стал августом, а не с принятием титула августа после смерти отца в 306 г. Обычно годы правления отсчитывались именно со времени принятия титула цезаря, например, Евтропий в "Краткой истории от основания Города"(X.1.3.) именно так считает годы правления Констанция.

⁵ Именно потому, что император Константин старался совмещать праздники своего правления с созванием соборов, Евсевий говорит о "сонмах слуг Божьих" т.е. епископов и пресвитеров.

⁶ Евсевий указывает на похвальное свое слово Константину, которое дошло до нас, и в изданиях его сочинений помещается после речи Константина к собору святых.

⁷ А именно: Констанций, Констанций и Констант.

⁸ По реформе управления империей, произведенной императором Диоклетианом, империя делилась на две: во главе каждой стоял август как старший правитель, под его началом находился цезарь, его заместитель и будущий преемник. Традиционно считается, что система эта предполагала еще и добровольное отстранение августов от власти через некоторое время и их выход в отставку, хотя, например, рассказ Лактанция об отречении Диоклетиана позволяет усомниться в этом (de Mort., Pers., 18). Сам институт цезарей имел свое начало еще в правление Адриана, впервые почтившего титулом цезаря своего будущего преемника.

⁹ Автократор - чрезвычайно важное понятие в политической теории древности, оно предполагает полную независимость правителя от какой-либо внешней или внутренней силы.

¹⁰ Август - имя первого императора, превратившееся в часть императорского титула, прибавляемую к имени. Также см. прим. 4.

¹¹ Не совсем понятно, что Евсевий имеет в виду. Константин умер в Аквионском дворце в Никомидии. После смерти его тело было перевезено в Константинополь и там он был похоронен в храме Св. Апостолов. Единственное время, когда его тело находилось в

царском дворце это момент между привозом его из Никомидии и приездом его сыновей, т.е. очень небольшой промежуток времени (см. кн. IV, 67-68). Таким образом, приходится предположить, что Евсевий либо начал писать свое сочинение в это время, либо присоединил к уже готовому сочинению это вступление.

¹² Изображения предков - покровителей домашнего очага, весьма почитались как в Греции, так и в Риме. Им приносили жертвы, воскуряли фимиам, каждый полноправный гражданин того или иного города всегда был жрецом родового бога - предка. Конечно, в начале IV в. это почитание уже не было таким всеобщим, но остатки его несомненно сохранялись в среде языческой аристократии, на что указывает, например, указ Максимиана Дайи, о котором упоминает Лактанций (О смерти гонителей, XXXVI), который обязывает декурiones преследовать христиан и ежегодно приносить жертвы помимо "старых жрецов".

¹³ Изображения богов в Греции и Риме раскрашивались, краски при этом приготавливались на основе растопленного воска. Умершие часто изображались не в качестве бюста или статуи, а в виде настенных росписей.

¹⁴ Имеется в виду широко распространенный в Греции обычай надписывания на могиле умерших эпитафий, восхваляющих их деяния и обычно пишущихся от первого лица.

¹⁵ Скорее всего, Евсевий имеет в виду Деяния Апостольские (напр. 7, 55-56).

¹⁶ Флавий Валерий Константин I Великий (27.02.272(?) - 22.05.337), римский император с 25.07.305.

¹⁷ Мф. 5, 14-16.

¹⁸ Титаны - в греческой мифологии дети Геи и Урана, составляли доолимпийское поколение богов. Основной мифологический сюжет о титанах - титаномахия - восстание титанов против богов.

¹⁹ Видимо, Евсевий имеет в виду правителей империи от Диоклетиана, так как начиная с его правления до победы Константина над Лицинием, управление империей было разделено между разными лицами. Право сделать подобное предположение дает отсутствие каких бы то ни было обширных внешних завоеваний в правление Константина, хотя вполне возможно, что эти слова просто похвала, приличествующая панегирику.

²⁰ Кир Великий - персидский царь (559-530 гг. до Р.Х.), основатель персидской державы, при нем персами были завоеваны Мидия, Лидия и Вавилония. Интересно, что Секст Аврелий Виктор, языческий историк и младший современник Евсевия, также сравнивает Константина и Кира. (О цезарях. XL.13-14).

²¹ Имеется в виду царица массагетов Томирис. (Геродот. История, I, 205-214.) Хотя по рассказу Геродота Кир погиб не "от руки женщины", а просто в сражении с массагетами, Евсевий же для усиления эффекта риторического сочинения представляет гибель персидского царя более бесславной, нежели на самом деле.

²² Александр Македонский (356-13.06.323 до Р.Х.) стал царем в 336 г.

²³ Мужской возраст в классической Греции начинался с 30 лет. В Спарте "молодой человек" становился мужчиной и мог принимать участие в народном собрании именно с этого возраста. Во времена Евсевия в Римской империи, для службы в армии молодой человек считался годным с 21 года.

²⁴ Относительно пьянства Александра, древние очень расходились во мнениях. Арриан (Поход Александра. VII.29) утверждает (со слов Аристубула), что Александр пил мало, а частые пирушки устраивал из расположения к друзьям. Ту же точку зрения поддерживает Плутарх (Александр и Цезарь. XXIII.) Но, конечно, вопрос этот трудно доказуем и в значительной степени его разрешение зависело от расположения или не расположения к македонскому царю пишущего. Языческие авторы, разумеется, восхищались

Александром, поражаясь в основном размерами его завоеваний. Для христиан Евсевия, задумывающегося о смысле этих походов, здесь нет не только предмета для восхищения, но наоборот, только бессмысленное и кроваваджное честолюбие.

²⁵ Александр прожил 32 года и 8 месяцев, царствовал 12 лет и 8 месяцев.

²⁶ Незадолго до смерти Александра умер его ближайший друг Гефестин.

²⁷ Александр умер в Вавилоне, его сын от Роксаны Александр родился уже после его смерти.

²⁸ После смерти Александра ближайшие сподвижники его - диадохи разделили его царство: Антипатру досталась Македония и Греция, Антигону - Фригия, Ликия и Памфилия, Птолемею - Египет, Селевку - Вавилония и Сирия, Лисимаху - Понт и Фракия.

²⁹ См. кн. 4, 19-21.

³⁰ Евсевий имеет в виду пиктов и скоттов, во время похода против которых умер Констанций Хлор, отец Константина. Видимо, после смерти отца он сам закончил этот поход. Возможно также, что Константин прибыл к отцу еще в самом начале похода, до переправы в Британию и тогда участвовал во всем отцовском походе - см. прим. 66.

³¹ Имеется в виду война с готами в 322 г. Евтропий упоминает о нескольких сражениях, в которых Константин разгромил готов. (Краткая история от основания Города. X.7.1.) Также Секст Аврелий Виктор упоминает о победе над полчищами готов и сарматов (О цезарях. XLI.13-14). Фотий, пересказывая Филосторгия, также упоминает о переселении готов в Мизию в правление Константина. ("Краткое изложение "Церковной истории" Филосторгия. II.5.) Иордан сообщает при этом, что вспомогательный отряд, выставленный готами против Лициния стал одной из причин победы Константина. После войны этот отряд (40.000 чел.) был оставлен императором на службе и получил впоследствии название федератов. (Иордан. О происхождении и деянии готов, 111-112). Выражение "вся Скифия", которое позволило Э. Гиббону чрезвычайно резко отозваться об исторической ценности сочинения Евсевия, конечно, не стоит понимать буквально, но во-первых, оно вполне приличествует панегирику, писавшемуся в то время, когда память о походах Константина была еще жива и никакой речи о попытке фальсификации быть не могло, а во-вторых, такое обобщение было вполне распространено в исторической традиции античности. Цезарь в "Записках о Галльской войне" позволяет себе подобное же выражение о завоевании "всей Германии".

³² Блеммий - эфиопское племя, тревожившее пределы империи и во времена Диоклетиана, который, отодвинув пределы империи к Элефантине, приказал заключить с ними договор о регулярной выплате денег под условием прекращения набегов. (Прокопий Кесарийский. Война с персами. I. 28-33.)

³³ В данном случае Евсевий называет завоеванием отражение нападений варваров, правда, не совсем понятно, что он имеет в виду, так как до нас не дошло никаких сведений о пребывании Константина в Египте, соседями которого были эти варварские племена. Возможно, риторически очерчивая всю империю, которая была под властью Константина, он просто указывает крайние пределы его власти. Возможно также, что Константину или его подчиненным пришлось отражать очередные набеги воинственных блеммиев, наконец, возможно, Евсевий имеет в виду порядок, который установил Диоклетиан в отношениях империи с ними, и который Константин утвердил.

³⁴ Евсевий имеет в виду распространение власти Константина над восточной частью империи после победы над Лицинием, а не внешние приобретения. Почти во все время правления Константина, империя не вела войн с Персией, и лишь в конце своего правления император начал поход против персов, но в начале этого похода умер.

³⁵ В данном случае, как и почти на всем протяжении истории Евсевия, при упоминании Индии следует понимать "внутреннюю" Индию, то есть царство омритов (Абиссиния).

³⁶ В Персии Ахеменидов сатрап это правитель провинции. Здесь Евсевий намеренно употребляет анахронизм для украшения своего сочинения, обычно мелких правителей во времена Евсевия называли царьками.

³⁷ Имеются в виду мелкие пограничные племена: зарейнские, задунайские, нумидийские и арабские, сохранявшие своих правителей, но зависимые от империи. Обычай ставить статуи и изображения римского императора прямо связан с обожевлением правителей, так как эти статуи служили предметом культового поклонения.

³⁸ Это замечание Евсевия очень любопытно с точки зрения политических теорий того времени. Во времена поздней империи основной упрек историками и писателями к “идеальному императору” Марку Антонину был именно в том, что он в нарушение установившейся традиции усыновления достойнейшего, последний передал власть своему родному сыну. Против наследственной передачи власти была направлена и система Диоклетиана. У Евсевия же мы видим одно из первых совершенно категорических высказываний в пользу наследственной монархии, хотя возможно, что здесь сыграло не последнее роль время написания этого труда - период правление детей Константина.

³⁹ Интересно, что для античных историков возвеличение своего труда в сочинении являлось почти правилом, Евсевий же открывает другую форму, впоследствии также ставшую традиционной в византийской историографии - традицию указания на недостаток должного умения при описании столь значительных событий и рассмотрения своего труда как религиозного долга. Интересно, что при этом он сохраняет (в завуалированной форме) и античную форму, в своем своеобразном вступлении или прологе вознося похвалы Константину и указывая на его неповторимость и величие он продолжает традицию “Истории” Фукидида и других античных историков, прославляя избранный для повествования предмет.

⁴⁰ Клавдий Нерон Тиберий - римский император с 54 по 68 г. от Р.Х., один из немногих римских императоров, в оценке которых сошлись и языческие, и христианские авторы. Первый, осуществивший гонение против христиан за якобы поджог ими Рима. В среде языческих историков, его имя стало примером императора жестокого, безнравственного и бездейственного. Под “ревностными писателями” Евсевий скорее всего имеет в виду Тацита и Светония.

⁴¹ Все это рассуждение Евсевия по ходу мысли тождественно рассуждению Платона в Государстве о пользе и вреде мифов (Государство. II. 337-338).

⁴² Трофей - первоначально сооружение из вражеского оружия, посвященного богам в честь победы и сооружаемый на поле боя. Здесь - уже просто захваченное вражеское оружие. Когда далее в тексте Евсевий называет трофеем знамя Константина, то слово это, чаще всего победный трофей или спасительный трофей, следует понимать только как эпитет знака победы.

⁴³ Евсевий вспоминает широко известный в древности рассказ о Солоне, обратившемся с этими словами к Крезу, который, в свою очередь пересказал их своему победителю - Киру. (Геродот. История. I. 29-33; Плутарх. Солон. 37-38.)

⁴⁴ См. Исх. 1-3.

⁴⁵ Евсевий имеет в виду гонение Диоклетиана, открытое им в 303 г. и подписанное именами всех тогдашних тетрархов - Диоклетиана, Максимиана Геркулия, Констанция Хлора и Максимиана Галерия. Гонение это было одним из самых страшных, как по всеобщности, так и по последовательности, с которой оно проводилось. После отречения от власти Диоклетиана и Максимиана Геркулия, с 1 мая 305 г., августом на Востоке стал Максимин Галерий, а на Западе Констанций Хлор. После этого на Западе гонение прекратилось, а на Востоке вспыхнуло с новой силой. Евсевий подробно описывает это гонение в 9 книге своей “Церковной истории”.

Очень любопытно то обстоятельство, что на протяжении почти всего своего труда, он называет императоров - гонителей тиранами. Термин “тиран” во времена поздней империи имел вполне определенное значение - государь, правящий не по праву, захвативший власть силой, как вариант - жестокий и несправедливый правитель. С чисто юридической точки зрения - все эти правители законные императоры. Словоупотребление же Евсевия указывает на то, что тиранами их делает не сомнительный приход к власти и даже не беззастенчивое или жестокое поведение, о котором он часто не упоминает, а совершенно конкретный признак - отношение к Церкви. Так, Лициния он называет императором во время его борьбы против Максимиана Дада и тираном при открытии гонения.

⁴⁶ По сообщению Секста Аврелия Виктора (О цезарях. XL. 2) “... Галерий держал его как заложника под предлогом отеческого о нем попечения”. До этого он состоял при дворе Диоклетиана, который, по сообщению Лактанция (О смерти гонителей, XVIII), возвел его в чин трибуна первого разряда за участие в компании в Палестине и Египте, где Евсевий видел Константина еще в молодом.

⁴⁷ Констанций Хлор (ок.250-25.07.306 г.), цезарь с 1.03.293 г., август с 1.05.305 г. Этот правитель равно восхищал языческих авторов, вот как характеризует его Евтропий (“Краткая история от основания Города” X.1.3.): “Был он мужем великим и доброжелательности величайшей, усердствовал в обогащении провинциалов и частных лиц, не стремясь к такому же увеличению государственной казны, и говорил, что лучше общественное богатство держать у частных лиц, чем хранить его в одном сундуке. Жил он столь скромно, что, в праздничные дни, когда желал устроить пир для своих многочисленных друзей, брал займы у частных лиц серебряную посуду для украшения стола своего. Он был не только любим, но в Галлии даже почитался наравне с богами и особенно за то, что в его правление избавились наконец от диоклетианова опасного безумия и от максимиановой кровожадной безрассудности”.

⁴⁸ Гай Аврелий Валерий Диоклетиан (245-03.12.316), римский император с 17.11.284. по 01.05.305 г.

⁴⁹ Марк Аврелий Валерий Максимиан (Геркуллий), ок. 250-310 гг., с 285 г. цезарь, с 286 - август и соправитель Диоклетиана.

⁵⁰ Марк Аврелий Максенций (ок. 280-28.10.312), сын Максимиана Геркуллия, захватил власть в Риме и провозгласил себя августом (28.10.306) через некоторое время после отречения отца. Евсевий упоминает его в качестве товарища Констанция Хлора не исторически, по одновременности правления, так как они не правили одновременно: Констанций умер за три месяца до того, как Максенций провозгласил себя императором. Кроме того он не упоминает, например Галерия, игравшего гораздо большую роль и долго бывшего соправителем Констанция, еще когда оба они были цезарями. Его противопоставление императоров покровительствующих христианам с борющимися против них не опирается ни на порядок старшинства, ни на хронологию, хотя, конечно, связан рамками определенного периода. Поэтому в список противопоставляемых Констанцию не попал и Галерий, как написавший указ, прекращающий гонение.

⁵¹ Товарищи Констанция до 305 г. - августы Диоклетиан и Максимиан и цезарь Галерий. С 305 г. - Констанций и Галерий стали августами, а Флавий Север, Константин и Максимиан Дада цезарями. О нравственных пороках соправителей Констанция свидетельствуют и языческие авторы. Так, Виктор (Секст Аврелий Виктор. Извлечения о жизни и нравах римских императоров. XL.18-19) говорит о пьянстве Максимиана Дады, о Максимиане Геркуллии пишет, что он “... был необузданного нрава, пылал сластолюбием, был тупоумен...” (Там же, XL. 10) Евтропий пишет о Диоклетиане, что он “был хитрым,

но пронизательным, очень острого ума и суровостью своей пытался подавить чужую злобу”. (Краткая история от основания города. IX.26.)

⁵² Одним из отличительных признаков именно гонения Диоклетиана было разрушение или конфискация христианских храмов. Возможно также, что Евсевий намекает на разрушение храма в Никомидии в самом начале гонения Диоклетиана. Храм действительно был разрушен “сверху до низу”, так как Диоклетиан опасался его сжигать, боясь пожаров в городе (Лактанций. de Mort. Pers., 12). По сообщению Лактанция, также не причисляющего Констанция к гонителям, тот позволил разрушить несколько храмов в Галлии, которые легко можно было со временем выстроить, но не потерпел гибели ни одного из христиан (там же, XV). В. В. Болотов, правда, полагает, что в его правление, но, возможно, без его ведома пострадал в это гонение знаменитый Осий Кордовский, но Лактанций со всей определенностью сообщает, что Испания относилась к территории, управляемой Геркулием, а не Констанцием.

⁵³ Под “домашними” убийствами Евсевий, видимо, подразумевает жестокую казнь придворных: св. Горгония, Дорофея, Петра и многих других, о чем он рассказывает в своей “Церковной истории”(VIII, 2,4-6,5; также см. Лактанция. de Mort. Pers., 13, 14, 15.) Последний подробно описывает многочисленные случаи казни именно среди придворных. Относительно гибели жен, известна, например, св. мученица Иулиания, мученическая кончина которой относится к 304 г., она была обручена с епархом города Никомидии.

⁵⁴ По сообщению Лактанция, указы Диоклетиана и Галерия предписывали жертвоприношения при любом контакте жителей и властей, любом судебном и юридическом действии, что фактически ставило христиан в положение вне закона.

⁵⁵ Имеется в виду Диоклетиан.

⁵⁶ 23 февраля 303 г. произошло разрушение церкви в Никомидии, а на следующий день был обнародован эдикт о всеобщем гонении.

⁵⁷ Лактанций сообщает (О гибели гонителей, XV.), что в силу огромного количества христиан, подлежащих смерти, кроме массовых сожжений, казнили и иными способами: “Других бросали в море, привязав им камень на шею”.

⁵⁸ Евсевий обозначает этим словом начальников вообще - так как он пишет панегирик и не ставит своей целью точное описание титулов и рангов, предпочитая украшать свое сочинение широким использованием архаичных терминов.

⁵⁹ Не совсем понятно, что имеет в виду Евсевий, ведь гражданские должности обычно были доступны людям высших классов, закрытой для службы была только армия, да и то только для сенаторов.

⁶⁰ Обычная форма проверки для христиан - требование принести жертву богам или гению императора.

⁶¹ То есть о христианах.

⁶² То есть стал августом (1 мая 305 г.).

⁶³ Евтропий (“Краткая история от основания Города” IX.27.1.), так рассказывает об этом: “Но когда Диоклетиан под тяжестью лет почувствовал невозможность управлять Империей, он уговорил Геркулия уйти в частную жизнь, а дела государственные передать более молодым”. Виктор (Секст Аврелий Виктор. О цезарях. XXXIX. 46-48) называет другую причину: “Несмотря на такое управление, правители все же не остались незапятнанными пороками. Геркулия обуревало такое сластолюбие, что он не мог сдерживаться от посягательства даже на тела заложников. Галерий недостаточно был верен даже по отношению к друзьям, несомненно, из-за боязни ссор, поскольку его соучастники в управлении полагали, что разоблачения могут нарушить их общее согласие. Итак, силы города Рима были как бы подрублены: сокращено было число

когорт преторианцев и число солдат под оружием, и большинство полагает, что именно по этой причине он (Диоклетиан - А.К.) сложил с себя власть. Он хорошо понимал окружающие опасности и когда увидел, что сама судьба готовит внутренние бедствия и как бы крушение римского государства, он отпраздновал двадцатилетие своей власти и, будучи в добром здоровье, сложил с себя заботу об управлении государством". Лактанций же рассказывает, что Галерий вынудил тяжело заболевшего Диоклетиана и Геркулия отказаться от верховной власти, причем последнему пригрозил войной в случае отказа (О смерти гонителей, XVII, XVIII).

⁶⁴ Евсевий ошибается, Диоклетиан отрекся в 305 г., почти через два года после начала гонения. Это тем более странно, так как в своей Церковной Истории он указывает правильный промежуток - два года (VIII, 13, 11).

⁶⁵ Диадема - головное украшение императоров, первоначально персидских царей, от них было заимствовано эллинистическими правителями. Как царское украшение использовалось уже Гелиогабалом (218-222 гг.), затем Диоклетианом, который ввел для императоров шелковое одеяние, расшитое золотом, диадему и сандалии, украшенные драгоценными камнями.

⁶⁶ Констанций был провозглашен все-таки не первым августом, так, август Галерий проигнорировал его назначение Константина цезарем и назначил на его место Севера. Любопытно, что Гиббон (Закат и падение Римской империи. ч.1 гл. XIV) также называет Констанция Хлора главным августом, не замечая при этом, что это противоречит всем дальнейшим событиям - Галерий назначает Севера в Италию и Африку, а Максимиана на Восток без воли на то Констанция и собирается назначить Лициния после смерти Констанция в Галлию, Британию и Испанию. То есть ведет себя как вполне полноправный август, который выше Констанция по праву. Маловероятно при этом даже предположение, что при номинальном главенстве Констанция Галерий обладал большими силами и поэтому имел возможность пренебрегать этим главенством, это предположение также противоречит дальнейшим событиям: рейнская армия была традиционно весьма сильна и управление одной Галлией и Британией не помешало впоследствии ни Константину завоевать остальную империю, ни Юлиану решиться на узурпацию. Наконец, вряд ли можно объяснить такое поведение Констанция его мягкостью, нежеланием гражданской войны и т. д. Назначение Севера в этом случае было бы столь вопиющим нарушением субординации и настолько явным пренебрежением прав Констанция, что вряд ли можно предположить такую бесхребетность у цезаря и августа, составившегося в походах. Поэтому гораздо более близким к истине выглядит сообщение Лактанция (de Mort., Pers., XVIII-XX), по рассказу которого Галерий представил Диоклетиану будущих цезарей - Севера и Максимиана и вынудил того признать их, несмотря на предупреждение Диоклетиана, что эти люди не способны к управлению государством. При этом очевидные кандидатуры Максенция и Константина были отвергнуты Галерием, о первом Галерий сказал, что он слишком непочтителен и непослушен, а о втором, что он слишком хорош и Галерий будет им стеснен. Он же сообщает, что "По отречении от престола Диоклетиана и Максимиана Старшего, Галерий счел себя властителем Ойкумены. Хотя Констанций и должен был занять первое место; но он его не уважал по причине его кротости и слабого здоровья".

⁶⁷ У Констанция было две жены - Елена, сыном которой был Константин и Феодора, дочь Максимиана Геркулия, от которой у него было три сына: Юлий Констанций, Аннабаллиан и Далмаций и дочери - Евтропия, Анастасия и Констанция. У Диоклетиана была только одна дочь - Валерия, у Максимиана Геркулия - сын Максенций и дочь Фауста.

⁶⁸ См. прим. 44.

⁶⁹ То есть, Диоклетианом.

⁷⁰ Хорошее образование Константина подтверждает его “Слово ...”, и в связи с этим весьма странными выглядят многочисленные утверждения Э. Гиббона об отсутствии у Константина хоть какого-то образования. Видимо, Гиббон либо просто игнорирует существование этого текста, либо не верит в то, что Константин был его автором. Хейкель высказывает мысль только о частичном авторстве Константина. По его мысли комментарий к Вергилию принадлежит перу секретаря (см. ком. к Сл. Конс.). Правда Хейкель не выражает сомнений в образовании императора, скорее наоборот подчеркивает его основательность.

⁷¹ Лактанций (de Mort., Pers., 24) подробно рассказывает об этих кознях, правда приписывая их Галерию: “Он (Галерий - А.К.) строил ему различные козни, не смея напасть на него явно, из опасения навлечь на себя междоусобную войну и возбудить к себе ненависть войска, которого страшился более всего. Однажды, под предлогом увеселения, навел он его на льва, над которым, однако же, Константин восторжествовал”.

⁷² Судя по всему, бегство Константина от Галерия совпало с назначением его цезарем Констанцием и назначением Галерием Севера на то же место. Очевидно, в такой двусмысленной ситуации оставаться при дворе Галерия было смертельно опасно. Так, Феофан в “Хронографии” под 293 г. говорит о том, что Галерий замыслил убийство Константина. Виктор же не упоминает о грозящей Константину опасности и так объясняет побег: “Не желая мириться с этим (с назначением Севера - А.К.), Константин, при своем сильном и неукротимом характере, тогда уже, с юных лет охваченный страстным стремлением к власти, решил бежать и, чтобы сбить со следа преследователей, повсюду, где пролегал его путь, убивал казенный вьючный скот и добрался до Британии;” (Секст Аврелий Виктор. О цезарях. XL. 2.) Но сам характер его сообщения противоречит его оценке этих действий Константина, во-первых, наличие преследователей указывает на действительную опасность, которая ему угрожала, во-вторых, так как Виктору известно назначение Константина цезарем и вследствие этого его двусмысленное положение при Галерии, назначившем для Италии другого цезаря, эту оценку можно объяснить очевидной неприязнью язычника Виктора к Константину. Кроме того, Фотий (“Краткое изложение “Церковной истории” Филосторгия. I.5.), например, говорит о происках против Константина со стороны Диоклетиана. Но если указанные события произошли до отречения Диоклетиана, то не понятно, почему после этого отношения между ними были столь хороши, что Константин приглашал его на свадьбу Лициния со своей сестрой Констанцией (Секст Аврелий Виктор. Извлечения о жизни и нравах римских императоров. XXXIX. 7.). И почему Диоклетиан, уходящий на покой, мог бы считать себя спокойным, делая августом отца убитого Константина. Наконец, существует подробный рассказ Лактанция (de Mort., Pers., 24) об этих событиях: “Между тем, как эти жестокости им (Галерием - А.К.) производимы были, он не помышлял о свержении Констанция, выжидая его смерти и полагая ее близкою. Этот государь, опасно заболев, потребовал к себе для утешения сына своего Константина. Не в первый раз он о том просил. Галерий ничего так не боялся, как отъезда Константина. ... Употребив бесполезно многие извороты против него, Галерий наконец отпустил его, и подписал его отпуск своей рукой при закате солнца, дозволив ему отправиться в путь завтра поутру, по получении его приказания. Он имел намерение или удержать его опять под каким-либо предлогом или послать курьера к Северу с повелением задержать его в Италии. Константин, предвидя это намерение, в ту же ночь после ужина садится на лошадь и уезжает”, он же сообщает об ужасном бешенстве Галерия при этом известии и о подрезании жил у почтовых лошадей Константином во избежание преследования.

⁷³ Анон., стр. 710. и Panegyг. Veter., VII, 4 утверждают, что Константин прибыл к Констанцию в порт еще перед отплытием в Британию. Мнение Евсевия подтверждают Зосим, кн.2, с. 79; и Лактанций, de Mort. Pers., гл. 24.

⁷⁴ Имеется в виду хор античной трагедии или комедии, по законам жанра не вмешивавшийся в разворачивающиеся события, и лишь комментирующий происходящее.

⁷⁵ О назначении Констанцием своим преемником Константина говорят также Лактанций (de Mort. Pers., 25) и Либаний (Oration 1). Констанций умер в Эбораке (Йорк), резиденции правителя Британии, поэтому Евсевий говорит о царском дворце.

⁷⁶ Багряница - плащ пурпурного цвета, отличавший императоров. Облачение в нее означало принятие императорского звания. Выражение “отеческая” скорее всего следует понимать буквально, так как изготовление императорского облачения происходило под жестким надзором, а попытки его изготовить помимо фиска преследовались. Известны многочисленные случаи затруднений при провозглашении императоров армией, а не предшественником, который имел возможность изготовить его заранее. Например, проблема с императорской диадемой при провозглашении императором Юлиана Отступника, описанная Аммианом Марцеллином (Аммиан Марцеллин. Римская история. XX. 4. 17-18.).

⁷⁷ По сообщению Евмения (VII, 8), Константин отказывался от принятия титула (августа или цезаря?) и даже пытался ускакать, дав лошади шпоры. Вообще, такое провозглашение армией отнюдь не следует понимать, как какой-то признак бунта. Обычная форма законного провозглашения - объявление августом цезаря при одобрении армии и при участии ее в церемонии провозглашения. В данном случае были определенные затруднения в проведении такой церемонии ввиду смерти Констанция. Видимо, именно поэтому, провозглашение армией последовало на похоронах, где Констанций как бы присутствовал. Само провозглашение императором первоначально производилось именно армией, войска давали это имя как торжественный титул еще полководцам поздней Республики (напр. Корнелию Сулле). По рассказу Лактанция (de Mort., Pers., 25) по возведении на престол Константин отправил письмо Галерию с уведомлением о своем восшествии на престол. Галерий пришел в ярость и пригрозил сечь и письмо и посланца. Но через некоторое время, видимо учитывая переворот Максенция в Риме (произошедший через два месяца после смерти Констанция), согласился на титул цезаря для Константина (одновременно провозгласив Севера августом) и послал ему багряницу. Августом Галерий провозгласил Константина уже в конце 307 или в начале 308 г. Лактанций (de Mort., Pers., 32) сообщает при этом, что провозгласив Лициния прямо августом, минуя титул цезаря, Галерий должен был как-то повисить и цезарей, Максимиана и Констанция. Он придумал для них новый титул - дети августов. Но Максимиан уведомил его, что армия уже провозгласила его августом. Видимо, не дожидаясь подобного сообщения от Константина, чтобы сохранить лицо, Галерий объявил Максимиана и Констанция равными себе императорами - августами.

⁷⁸ Констанций, еще будучи цезарем, управлял Галлией и Британией. Затем, по титулу августа ему еще полагались Италия, Испания и Африка, но он уступил их креатуре Галерия - Северу, довольствовавшись титулом августа и не расширяя своей действительной власти. См. также прим. 64.

⁷⁹ Евтропий (“Краткая история от основания Города” X.3.2.), называет этих варваров - это были франки и алеманны. Он же упоминает о том, что Константин захватил при этом в плен их вождей. Странно и любопытно при этом то обстоятельство, что Виктор (Секст Аврелий Виктор. Извлечения ... , XLI) называет царя алеманнов Эрока, “сопровождавшего Констанция для его защиты” и содействовавшим Константину в провозглашении его цезарем. Евтропий (X, 3) и Panegyг. Veter., VII, 10-12. сообщают, что захваченные в этом

походе вожди и многие молодые пленники были отправлены на гладиаторские бои со зверями в амфитеатре Трира.

⁸⁰ Сравнение государства (или вселенной) с человеком было широко распространено еще в классической Греции. В основании его лежит, конечно, языческие представления об устройстве мира. Так, например, Платон в “Государстве” (II. 368 d-e) легко переходит от рассмотрения справедливости в отдельном человеке к рассмотрению ее в государстве. Здесь Евсевий пользуется этим сравнением просто для украшения своего сочинения.

⁸¹ Флавий Север, назначенный цезарем в Италию, сохранял этот титул совсем недолго. Против него взбунтовались преторианцы и провозгласили цезарем Максенция, сына Максимиана Геркулия.

⁸² То есть Максимиану Галерею и Флавию Северу.

⁸³ По рассказу Виктора (Секст Аврелий Виктор. Извлечения о жизни и нравах римских императоров. XL. 3.), Север был убит у Трех Таверн Геркулием Максимианом, после того, как войска покинули его. Евтропий, (“Краткая история от основания Города” X.2.3-2.4.) так рассказывает об этих событиях: “Между тем в Риме преторианцы, учинив бунт, избрали августом Максенция (306-312 г.), сына Геркулия, который жил недалеко от города на государственной вилле. Узнав об этом, Максимиан Геркулий, в надежде вновь обрести прежнюю власть, которую он оставил против своей воли, поспешил из Лукании в Рим ... Против взбунтовавшихся преторианцев и Максенция Галерий послал в Рим цезаря Севера с войском, куда тот и прибыл, но во время осады Города был предан своими солдатами. Максенций же, увеличив войско, укрепил свою власть. Север бежал в Равенну и был там убит (307 г.)”. В другом своем сочинении Виктор иначе рассказывает об этих событиях: “А между тем в Риме чернь и отряды преторианцев объявляют императором Максенция, несмотря на упорные протесты отца его, Геркулия. Когда об этом узнал Арменгарий (Галерий - А.К.), он приказал поспешно выступить против этого противника цезарю Северу, находившемуся случайно близ города. Но пока он действовал под стенами столицы, он был покинут своими солдатами, подкупленными Максенцием обещанием награды; бежав, он оказался запертым в Равенне и там погиб. Ожесточившись еще более, Галерий, прибегнув к совету Иовия (Диоклетиана - А.К.), объявляет августом цезаря Лициния, известного ему по старой дружбе; оставив его для охраны Иллирика и Фракии, он сам направляется в Рим. Там он задержался на осаде [города] и, так как его солдат стали так же соблазнять, как и прежних, он, опасаясь, как бы они его не покинули, ушел из Италии;” (Секст Аврелий Виктор. О цезарях. XL. 5-9.) Лактанций (XVII), сообщает, что при этом Геркулий бросился на колени перед войском, умоляя не выдавать его врагам.

⁸⁴ В “Церковной истории” Евсевий сообщает более подробно о чародействе Максенция: “... для своих чародейств он то разрезал чрево беременных женщин, то рылся во внутренностях новорожденных, а иногда убивал львов и гнусными молитвами молил демонов отратить войну”. (VIII. 14. 5.) О недостойном правлении Магнция сообщают и языческие историки, например Виктор: “... ибо он их (жителей Рима) так угнетал, что однажды дал разрешение преторианцам избивать людей и первым на основе негоднейшего обычая заставил сенаторов и земледельцев под видом подарка собирать ему деньги на его расточительство”. (Секст Аврелий Виктор. О цезарях. XL. 24.)

⁸⁵То есть, Галерий.

⁸⁶То есть, Север.

⁸⁷ Лактанций (XLIV) сообщает о изображенной на щитах солдат монограмме Христа, при этом Лактанций помещает это событие непосредственно перед сражением при Мульвиевом мосте.

⁸⁸ “Царской тканью” Евсевий скорее всего именуется шелк, очень дорогой и продававшийся на вес золота.

⁸⁹ В это время у Константина был один только старший сын Крисп - Констанций и Константин родились в 317 г., Констант - в 322 г. Возможно, Евсевий описывает лабарум в том виде, в котором он сам его видел, уже с изображением всех детей императора.

⁹⁰ Вместо легионных орлов. Само описание лабарума почти во всем повторяет вид обычных легионных значков - орлов, за одним исключением: вместо собственно орла на навершии значка расположена монограмма Христа в лавровом венке.

⁹¹ Чтение божественных Писаний, как и многие другие эпизоды в книге Евсевия, свидетельствуют, кажется о том, что Константин уже крестился. Так как до принятия крещения чтение Писаний в это время (и еще долго после) возбранялось (см. например, Св. Кирилл Иерусалимский. Поучение предогласительное. 12.). То же соображение касается присутствия Константина на соборах и торжественных службах. Но то обстоятельство, что Константин был крещен перед самой смертью не вызывает сомнений, и Евсевий, и Феодорит Кирский настолько уверенно об этом сообщают, что ошибка здесь маловероятна. Сообщения же о крещении Константина папой Сильверием давно и прочно отвергнуто историками. Тем более вряд ли можно предположить, что Константин просто воспользовался своим положением для нарушения церковных правил, этому противоречит все его дальнейшее поведение как в споре с донатистами, так и в арианских спорах. Недоумение, однако, вполне разрешимо данным сообщением Евсевия, об оглашении Константина около 312 г., и откладывании крещения на более позднее время, так как оглашенным, но еще не крещеным, уже дозволялось чтение Писания (см. Св. Кирилл Иерусалимский. Поучение предогласительное. 14.) и присутствие на богослужении.

⁹² По словам Лактанция (XLIII), войну Константину объявил Максенций, в отместку за казнь его отца Геркулия.

⁹³ Эпарх - градоправитель.

⁹⁴ Этот рассказ содержится также в "Церковной истории" Евсевия (VIII. 16-17.)

⁹⁵ То есть преторианцам.

⁹⁶ К этому времени Рим и Италия давно питались привозным хлебом из Египта и Африки. Видимо, с узурпацией Максенция этот подвоз прекратился. Но Panegyг. (Vet., IX, 16) сообщает об огромных запасах хлеба, собранного в Африке и на островах. Гиббон примиряет эти два сообщения предполагая, что этот хлеб предназначался только солдатам. Но эти два сообщения согласуются и другим образом - возможно, что проблемы с доставкой хлеба из Африки были у Максенция в связи с войной там против викария Домиция Александра, провозгласившего себя императором в 308 г., в это же время подвоз из Египта мог быть прекращен по приказу Галерия, как мера логичная против узурпатора. После поражения Александра от префекта претория Руфия Волузиана в 310 г. и установления союза с Максиминем Дазой эта проблема была решена.

⁹⁷ Войско Константина конечно, не состояло из тяжеловооруженной пехоты - гоплитов, Евсевий здесь опять пользуется архаичным термином, в более широком значении гоплиты означает - солдаты.

⁹⁸ Здесь и далее - телохранители, отборный отряд при особе императора (но не преторианцы).

⁹⁹ По Евтропию, война длилась два года - с 310 (5-летие правления Константина, как он пишет) по 312 г. Возможно, он считает в одну войну против Максенция и компанию в Галлии против Геркулия, пытавшегося вернуться к власти и компанию собственно в Италии против самого Максенция. Он также, как и Евсевий, упоминает о поражениях Максенция "во многих сражениях" ("Краткая история от основания Города" X.4.3.). Из трех сражений, о которых говорит Евсевий, два - сражения при Турине и Вероне. Не совсем понятно, что Евсевий имеет в виду под третьим: небольшой бой при Брешии в

промежутке между двумя большими сражениями или последнее сражение этой войны - у Мульвиева моста. Лактанций считает, что два сражения в Италии до битвы у Мульвиева моста были проиграны Константином: “Часто обе армии вступали в рукопашный бой, и партия Максенция имела почти всегда перевес”. (de Mort., Pers., 44), но это очевидная ошибка.

¹⁰⁰ По сообщению Лактанция (de Mort., Pers., 44), Максенций не собирался выходить из Рима и его фактически заставили это сделать римляне, собиравшиеся толпами у его дворца и шумно упрекавшие его в трусости.

¹⁰¹ Тристат-τριστατης, военачальник (Исх. 14,17. 15,4 Цар. 7,2,17. 9,25. 15,25). Первое лицо после государя. Под тристатами подразумеваются либо главные военачальники, либо отборные воины на колесницах.

¹⁰² Сражение у Мульвиева моста произошло 28 октября 312 г.

¹⁰³ Этот способ наведения мостов через реку подробно описывает Арриан (“Поход Александра”, V.7.3-5), его сообщение, относящееся к правлению Адриана, говорит об таком способе как общепринятом в римской армии.

¹⁰⁴ Обстоятельства гибели Максенция очень туманны. Так, Евтропий просто сообщает о сражении у Мульвиева моста, в котором Максенций был побежден (“Краткая история от основания Города” X.4.3.). Виктор в одном месте (О цезарях. XL. 23.) пишет о том, что после проигранного сражения Максенций “сам попал в засаду, приготовленную им для врага близ Мульвиего моста у переправы через Тибр [и погиб] ...”, а в другом (Извлечения о жизни и нравах римских императоров. XL. 7.), пишет так: “Максенций, столкнувшись с Константином несколько выше Мульвиего моста, поторопился вступить на мост, составленный из плотов, но конь его оступился, и он упал в речную пучину, тело его под тяжестью панциря было затянато илом, его едва нашли”. Судя по сообщению Арриана, поднятые мосты всегда снабжались перилами, тогда как соединяющие его части были связаны веревками, и вполне могли развязаться или растрепаться. По сообщению Лактанция, Максенций сам разрушил за собой мост после переправы, чтобы армия знала, что отступить некуда и утонул, увлеченный множеством бегущих к реке в надежде ее переплыть. Во всяком случае все историки сходятся на том, что это произошло во время бегства, когда сражение было уже проиграно. Евсевий не описывает сражения и даже почти не упоминает его потому что он сравнивает своего героя с Моисеем и в данном рассказе стремится достичь наибольшей сюжетного сходства.

¹⁰⁵ Евсевий отнюдь не просто так упоминает здесь именно преторианцев Максенция. Эти войска, значительно сокращенные численно и переведенные на меньшее жалованье Диоклетианом имели все поводы для недовольства Севером, поэтому все древние писатели упоминают их как активных участников переворота Максенция, который действительно увеличил их численность, восстановил жалованье и безнаказанность. Однако говоря об их гибели в реке Евсевий опять следует не исторической правде, а подчиняется закону художественного произведения. Поэтому совсем не противоречат Евсевию приводимые Гиббоном слова панегириста об их гибели на том месте, где они стояли во время сражения: *Excerptis latrocinii illius primis auctoribus, qui desperata venia, locum quem pugnae sumpserant texere corporibus.* Panegir. Vet., X, 17.

¹⁰⁶ Имеется в виду амнистия всем сторонникам Максенция и всем, пострадавшим от него, а не какой-либо указ в пользу христиан, хотя очевидно, что с освобождением от Максенция Италии и Африки положение христиан там значительно улучшилось.

¹⁰⁷ В империи того времени был чрезвычайно распространен страшный обычай убивать или оставлять на произвол судьбы новорожденных детей, которых родители не могли или не хотели кормить. Борьбе с этим явлением, причем не просто с помощью запрета, но

продуманной системой оказания помощи родителям был посвящен отдельный указ Константина (Код. Феод., IX, 27, 2).

¹⁰⁸ Евсевий имеет в виду Римский собор 313 г. против донатистов и Арльский собор 314 г.

¹⁰⁹ Евсевий, не принимавший всерьез догматических споров и считавший все вопросы догматики решенными Оригеном, сам больше всего ценил “единодушие”. Константину же довольно быстро пришлось различать православных и разного рода еретиков и схизматиков, это показывают и его указы против донатистов и гностических сект.

¹¹⁰ Евсевий имеет в виду донатистов, отколовшихся от Церкви около 307 г. Константин отнюдь не так равнодушно, как это описывает Евсевий, относился к этому расколу. На его отношение указывает хотя бы то обстоятельство, что в самых ранних своих указах о возвращении церквям конфискованного имущества и вспомоществовании от гражданских чиновников для строительства новых храмов, везде твердо оговорено, что под действие указа попадают только православные, исключая еретиков и раскольников. Более того, с 316 по 321 г. в Африке действовали направленные против донатистов законы.

¹¹¹ Вторжение германцев и франков в Галлию и его отражение Константином произошло в 313 г.

¹¹² Евсевий имеет в виду Максимиана Геркулия, который, после того как его сына Максенция преторианцы провозгласили в Риме императором, попытался вернуться к власти - в качестве августа над цезарями Константином и Максенцием (Гиббон утверждает, что Максимиан был провозглашен таковым, но мы не находим твердых свидетельств в пользу этого мнения, впрочем, даже если это так, все дальнейшие события показывают полную фиктивность этого его звания: он не имел ни своего войска, ни подвластной себе территории, само же провозглашение, если оно и состоялось, то с помощью кучки сторонников, никакой силы не имеющих), и участвовал в осаде Равенны, куда бежал Север и в убийстве последнего. Затем он пытался уговорить Константина принять участие в войне против Галерия - помешав отступлению его из Италии. Через некоторое время, то ли поссорившись с сыном, то ли по предварительной договоренности с ним, он бежал в Галлию к Константину, где стал замышлять против него. Его собственная дочь и жена Константина Фауста, открыла замыслы отца Константину. Далее Геркулий был схвачен после осады Массилии, где пытался обороняться от Константина и казнен. Под постыдной смертью Евсевий имеет в виду повешение. В этом сообщении Евсевий опять нарушает хронологию своего повествования, события эти относятся к 310 г.

¹¹³ Евсевий ошибается, по сообщению Светония (Жизнь двенадцати цезарей. Домициан. 23.), сенат приказал после смерти Домициана уничтожить все надписи и статуи, посвященные ему. Хотя возможно, что под “первым” он понимает не вообще императоров, но противников Константина, так как действительно, борьба и низвержение Максенция и Лициния были позже. Любопытно, что по сообщению Лактанция, разрушены были также статуи Диоклетиана (XLII), из-за чего последний лишил себя жизни.

¹¹⁴ Видимо, Евсевий имеет в виду заговор против Константина со стороны мужа его сестры Анастасии, возведенного в звание цезаря Бассиана, который, не получив реальной власти в соответствии со своим титулом начал переписку с Лицинием, признавшим его цезарем.

¹¹⁵ Судя по одному сообщению Филосторгия (Фотий. “Краткое изложение “Церковной Истории” Филосторгия. II.17.), возможно, что ладан уже употреблялся в это время христианами. Филосторгий сообщает о том, что после смерти Константина христиане ставили ему свечи и кирили ладан. Впрочем, судя по характеру этого сообщения, это

вполне может быть просто клеветой Филосторгия на православных, во всяком случае, именно так понимает это место Фотий. Указание на подобный культ у язычников (что было весьма распространено, и даже сам Евсевий упоминает о причислении Констанция Хлора к богам), которое Филосторгий обращает на христиан. Последнее, правда, маловероятно, во-первых, по твердости сообщения Филосторгия, во-вторых, потому что в правление Констанция открытое почитание языческих богов было уже затруднительно, а уж тем более на главной площади Константинополя, пожалуй, и вовсе невозможно.

¹¹⁶ Валерий Лициниан Лициний (ок. 265-325 гг.), август с 11.11.308 г. по 18.09.324 г.

¹¹⁷ Гонение на Востоке фактически не прекращалось с указа Диоклетиана, так как его преемник Галерий преследовал христиан с еще большим рвением, а Максимиан Дада не обратил никакого внимания на указ Галерия в 311 г. прекратить гонение, так что указ касался только Иллирика. Лициний после победы над Максимином распространил (в июне 313 г.) указ Галерия на префектуру Восток отдельным указом в Никомидии, который фактически сам же и отменил в 320 г., начиная гонения.

¹¹⁸ Евсевий пропускает события, происходившие в это время на Востоке. После смерти от болезни Галерия в 311 г., там оставалось два правителя: Лициний, правивший в Иллирии и Максимиан Дада, управлявший префектурой Восток. Между ними началась война, во время которой Максимиан был разгромлен в сражении при Тзиралле (1.03.313) и умер в Тарсе. После чего Лициний стал единственным правителем Востока, в 314 г., возможно, после короткой войны, между ним и Константином был заключен договор о новом разделе империи, по которому Константинополю отошел Иллирик, в дополнение к остальным его владениям, а Лицинию осталась вся префектура Восток.

¹¹⁹ Лициний был женат на сестре Константина по отцу, Констанции.

¹²⁰ Род Константина ведется от Флавиев, правивших в Риме с 69 по 235 гг.

¹²¹ См. прим. 97. Одним из поводов к войне Константина против Лициния послужил отказ последнего выдать людей, бежавших к нему после раскрытия заговора Бассиана.

¹²² Евсевий не придерживается хронологии в своем сочинении, так как не ставит своей целью описание последовательности событий. Поэтому здесь, давая характеристику Лицинию он и упоминает о событиях 20-х годов, пропуская время союза с Константином. Однако, судя по “Церковной истории” он вполне представляет себе эту последовательность. Хотя, конечно, желание представить противников Константина не просто тиранами и негодными правителями, а еще и гонителями христиан часто заставляет его говорить туманно и нарушать хронологию событий. Так, рассказом о Максимиане он представляет его гонителем, хотя это просто тиран, устраивавший не гонение на христиан, а гонение на всех, над кем имел власть. Также и с Лицинием, Евсевий не упоминает в своем труде о Медиоланском эдикте, так как пришлось бы сказать о роли Лициния в его подписании. При этом он почти не говорит о жесточайшем гонении Максимиана, хорошо известном ему, опять таки потому что тогда победа над ним Лициния слишком высоко поставила бы последнего, сделала бы его избавителем христиан. Хотя Максимиан не исполнил указ Галерия о прекращении преследования. Однако все эти замечания отнюдь не говорят о намеренной фальсификации, ведь почти все эти события рассказаны или упомянуты в “Церковной истории”. Но “Жизнь Константина” написана как панегирик и по форме и по содержанию ее автор ставит себе иные цели, нежели в своем же собственном сочинении исторического содержания.

¹²³ Гонения Лициния на христиан Евсевий подробно описывает в своей “Церковной Истории” (X.8.).

¹²⁴ Кроме авторитета Нового Завета, где в книге Деяний Апостольских описывается первый собор, Евсевий, видимо имеет в виду 37 правило апостольское, повелевающее собирать соборы два раза в год, 12 октября и в четвертую неделю пятидесятницы.

¹²⁵ О жестоком правлении Лициния говорит и Виктор (О цезарях. XLI. 4.): “У Лициния же не было предела пыткам и казням, по образцу рабских, даже для невинных и знаменитых философов”. Конфискация имущества была обычной практикой для осужденных по обвинению в оскорблении императорского достоинства, а это самое распространенное обвинение по отношению к христианам.

¹²⁶ То есть христианам.

¹²⁷ Эту фразу, *Τὸν κατὰ πᾶν ἔρονος ἀξιώματων ταξίεις*, в параллельном латинском тексте звучащую как: *praesidaslis officii*, Минь интерпретирует как *magistrum officia*.

Евсевий дважды настойчиво указывает на то, что этот указ Лициния относился к “городским” воинам. Во время правления Диоклетиана армия была окончательно разделена на две части - пограничные войска (лиметарии) и действующая, полевая армия. Лиметарии располагались вдоль границы, имели жен, детей и имущество, как правило земельный надел. Действующая армия находилась внутри страны, в городах, вблизи от предполагаемого театра военных действий. Скорее всего эти действия Лициния были направлены именно против действующей армии, ввиду предполагаемого гонения и войны с Константином он имел основания полагать, что христиане не будут верны ему.

¹²⁸ Начиная с Диоклетиана и до Анастасия поземельный налог собирался с землевладельцев натурой, а не деньгами. Перемежевание земель непосредственно перед Лицинием производил Диоклетиан и Галерий. Под перемежеванием Евсевий имеет в виду переоценку земли, подлежащей налогообложению. Налог с землевладельца собирался в зависимости от качества почвы и культуры, на ней посаженных. Сумма условных податных единиц - капотов и составляла долю землевладельца в податях, собираемых с округа или провинции. Поэтому для увеличения налога достаточно было просто произвести переоценку земли. С 1 сентября 312 г. устанавливается обычай через каждые 15 лет производить переоценку земли, и с этой даты начинается счет лет по индиктионам. Более того, скорее всего и до этой даты земельная реформа Диоклетиана должна была предусматривать такую переоценку, далее Евсевий говорит о переоценке, произведенной Константином. Поэтому, скорее всего, в данном случае производилась обычная переоценка земли, но эта переоценка сопровождалась всякими притеснениями вызванными алчностью Лициния. Как говорит о нем Виктор (Извлечения о жизни и нравах римских императоров. XLI. 8.): “Своей алчностью до денег он превзошел всех...”.

¹²⁹ Евсевий разумеет здесь очень распространенную в древности систему сбора налога на землю, при которой налогами облагалась земля провинции или податного округа, без учета конкретного количества рабочих рук. В этой ситуации, если хозяин земли покидал свой участок, тяжесть налогового бремени на остальных увеличивалась.

¹³⁰ Тантал - герой греческой мифологии, фригийский царь. Евсевий называет жадность болезнью Тантала, видимо исходя из наказания, которому тот подвергся в Аиде - неутолимая жажда и не насыщаемый голод (Апполодор. Мифологическая библиотека. Эпитома. II.1.). Собственно проступок Тантала, за который он был наказан, к жадности отношения не имел.

¹³¹ Евсевий имеет в виду Максимиана Галерия, *Πρωτότατην*, по-гречески переводится как передовой, главный, первый.

¹³² После отречения Диоклетиана Галерий продолжал гонения на христиан до 30 апреля 311 г., когда он издал указ, прекращающий гонение. Текст указа Евсевий приводит в своей “Церковной истории” (IX.10)

¹³³ Евсевий имеет в виду Лициния.

¹³⁴ Евсевий разумеет под первым и вторым Галерия и Максимиана Дазу.

¹³⁵ По сообщению Лактанция, первым ослеплять и подвергать членовредительству христиан начал Максимин: "... вместо осуждения христиан на смерть, приказал он их увечить. Одним выкалывали глаза, другим отрезывали руки, ноги, нос, уши".

¹³⁶ Об этом бегстве Максимиана упоминает также Лактанций (XLVII).

¹³⁷ По сообщению Лактанция (XLIX), Максимин пытался отравиться в Тарсе, но приняв яд на полный желудок, приобрел язву желудка и умирал очень долго и мучительно: "... бился головой об стену с такой силой, что глаза у него выкатились".